

А.А. Кретов (Воронеж)

СОСТАВНЫЕ НОМИНАЦИИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Несмотря на наличие глубоких и содержательных исследований языка русских народных сказок [Алещенко 2006, 2008а, 2008б; Ведерникова 1975; Герасимова 1976; Девичкая 2014; Коновалова 2005; Кравченко 2002; Кхерибиш 2007; Праведников 2010; Ручина 2002, 2003а, 2003б, 2004, 2006; Стекольников 2007; Чой Кён Нам 2008; Ян Кэ 1995 и др.], нельзя сказать, чтобы этот вопрос был исчерпан.

На первый взгляд многообещающе выглядит выполняемый под руководством Л.И. Ручиной на кафедре преподавания русского языка в других языковых средах Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского проект по описанию языковой картины русской народной сказки на материале сказок А.Н. Афанасьева, имеющий, к сожалению, своей целью не язык сказок, а «описание концептосферы русской народной сказки через лексикографическое описание концептов». При этом предметом внимания исследователей являются исключительно существительные – наиболее частотные, семантически объёмные, характеризующиеся «активностью логико-семантических связей». В соответствии с этими критериями исследователями выделено 125 «ключевых слов», объединённых в явно не рядоположные с логической точки зрения тематические классы: «Человек», «Мир», «Вера», «Душа», «Дом»¹. Как полагают авторы, «наименования тематических классов являются узловыми концептами русских народных сказок» [Ручина 2003а:124-125]. Утверждение «наименования ... являются ... концептами» говорит само за себя и в комментариях не нуждается.

Показательным является и обобщение языковых особенностей русской народной сказки, представленное в Интернете: «В русских сказках часто встречаются повторяющиеся определения: *добрый конь; серый волк; красная девица; добрый молодец*, а также сочетания слов: *пир на весь мир; идти куда глаза глядят; буйну голову повесил; ни в сказке сказать, ни пером описать; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; долго ли, коротко ли...*, Часто в русских сказках определение ставится после определяемого слова, что создает особую

¹ Особенно странно в этом ряду выглядит тематический класс «Мир», который по идее должен охватывать все остальные: «Вера» в «Душе», «Душа» в «Человеке», «Человек» в «Доме», «Дом» в «Мире».

напевность: *сыновья мои милые; солнце красное; красавица писаная...*, Характерны для русских сказок краткие формы прилагательных: *красно солнце; буйну голову повесил*; и усечённые – глаголов: *хватъ* вместо *схватил*, *подь* вместо *пойди*.

Языку сказок свойственно употребление имен существительных и имен прилагательных с различными суффиксами, которые придают им уменьшительно-ласкательное значение: *мал-еньк-ий, брат-ец, петушок, солн-ышк-о...* Все это делает изложение плавным, напевным, эмоциональным. Этой же цели служат и различные усилительно-выделительные частицы: *то, вот, что за, -ка...* (*Вот чудо-то! Пойду-ка я направо. Что за чудо!*)» [Особенности...].

Как видим, речь здесь идёт лишь об устойчивых словосочетаниях и ничего не говорится о составных номинациях.

Таким образом, есть основания полагать, что модели порождения составных номинаций (или, если воспользоваться термином А.Т.Хроленко, – *композигов*) в *русских народных сказках* ещё не были предметом отдельного многоаспектного рассмотрения и систематического описания².

Цель этой статьи – восполнить указанный пробел, выявив и описав формальные и семантические модели порождения составных номинаций, представленные в русских народных сказках.

Объектом нашего исследования является сборник русских народных сказок [Афанасьев 1984-1985].

Предмет исследования – организация составных номинаций (композигов), понимаемых как слова, написанные через дефис, объединяющие две и более одинаковые части (например, *фу-фу* или *ши-ши-ши*) или две полнозначные части, каждая из которых способна выступать самостоятельным членом предложения (например, *правда-истина, право-слово*). Как следствие, из рассмотрения исключаются дефисные написания типа: *по-царски, пора-де, лечи-де, привел-таки, поди-тка, поди-тко, поди-кось, бегите-ка, вот-ста,*

² Сорок с лишним лет тому назад А.Т. Хроленко [Хроленко 1972, 1975, 1981, 1985] вслед за А.П. Евгеньевой [Евгеньева 1963] рассмотрел бинарные формулы в современном русском языке и русской народной песне. Вслед за ним этой темой в разных аспектах и на разном материале занимались Ф.Р. Минлос [Минлос 2004], Д.В. Андрианова [Адрианова 2013] и Л.Л. Федорова [2013] и др., но не на материале русских народных сказок А.Н. Афанасьева [Афанасьев 1984-1985].

слушаю-с, в-третьяжды, ей-богу, сам-один, сам-третей, сам-четвёрт, того-пёрво, не говоря уже о дефисных написаниях с частицами *кое-/кой-, -либо, -нибудь, -то* и их диалектными севернорусскими эквивалентами: *скот-ат, сенцы-те*, а также – составные предлоги: *из-за, из-под, по-над* и т.п.

Первая задача, которую потребовалось решить, состояла в выделении корпуса составных номинаций. Он составил 5769 случаев употребления составных номинаций, понимаемых указанным выше образом, в издании-источнике. Это количество употреблений приходится на 1356 словоформ. Количество слов (лемм) будет, разумеется, меньше. Мы исследуем словоформы, а не леммы, поскольку считаем ритмическую структуру составных номинаций в сказке их существенной характеристикой, а словоформы одной лексемы по этому параметру могут существенно различаться.

По количеству элементов составная номинация образует три множества: 1) четырёхчленные – 1 словоформа, 2) трёхчленные – 22 словоформы, 3) двучленные – 1333 словоформы.

Четырёхчленная номинация – ономатопея: *тю-лю-лю-лю*. Строится она по модели Y-X-X-X, которая для ономатопей может быть фонетически конкретизирована: C'V-S'V-S'V-S'V³. Контекст употребления этой ономатопеи следующий: *«Я как-нибудь вытянул из тины руку и ухватился за хвост бирюку, как стоял он подле меня, ухватился и закричал громко: тю-лю-лю-лю!»*.

Трёхчленные номинации по преимуществу также являются ономатопеями: *и-и-и, о-о-о, у-у-у, э-э-э, бу-бу-бу, фу-фу-фу, ха-ха-ха, ши-ши-ши, тю-тю-тю, фю-фю-фю, ква-ква-ква, тинь-тинь-тинь, охо-хо-хо, ме-ке-ке* (в перечисленных номинациях ударение по умолчанию падает на последний слог) и *куда-куда-куда*.

Может показаться, что *куда-куда-куда* – не ономатопея, а вопросительное местоимение; однако это и так, и не так – эти звуки издаёт петух: *«Петух увидел его и запрыгал по насести, машет крыльями и кричит: куда-куда-куда»*. Ср. ономатопею *куд-кудах* [Ожегов 1973] и отмеждоментный глагол *кудахтать*: *«Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит: Кудах, кудах, кудуху!»*

³ Условные обозначения: X – повторяющаяся (у двучленных номинаций – первая) часть, Y – не повторяющаяся (у двучленных номинаций – вторая) часть; C' обозначает дизный консонант, C – не-дизный консонант; V – вокал (слоговой звук), S' – дизный сонант (P', L', M', H', B', Й), соответственно, S – не-дизный сонант (P, L, M, H, B).

Алёша, спаси Чернуху!» [Антоний Погорельский. Черная курица (1829)] – НКРЯ <http://search.ruscorpota.ru/>.

Самая представительная среди трёхчленных ономастопей модель – X-X-X, а самая представительная реализация этой модели – CV-CV-CV: *бу-бу-бу, фу-фу-фу, ха-ха-ха, ши-ши-ши*. Дизезным усложнением этой модели являются ономастопеи *тю-тю-тю* и *фю-фю-фю* (ср. приведенное выше *фу-фу-фу* и не встретившееся в сказках, но представленное в НКРЯ *ту-ту-ту*: «И электрички – *вжик-вжик* – серые длинные крысы серые тени на серый заасфальтированный перрон лепят; *пс-пс-ы* – резиновые двери и *ту-ту-ту бу-бу-бу-ву-ву* – покатали на Москву». [Евгений Попов. Свиные шашлычки (1970-2000)]; «Шпон накачивали на казеиновом клею, а потом гвоздиками *ту-ту-ту*, как пулемет, стучали» [Феликс Чуев. Ильющин (1998)] – НКРЯ).

Удвоенным усложнением этой модели является модель CVCV-CVCV-CVCV⁴, которую можно представить также в виде 2CV-2CV-2CV: *куда-куда-куда*. В общем виде модель X-X-X можно записать как nX-nX-nX, где n=1, 2, Другой тип усложнения модели CV-CV-CV находим в подмоделях CSV-CSV-CSV – *ква-ква-ква* и CVS'-CVS'-CVS' – *тинь-тинь-тинь*. В первом случае за счёт сонанта усложняется инициаль слога, во втором – финаль.

Интересные механизмы трансформации модели X-X-X в Y-X-X представляют ономастопеи *охо-хо-хо* (подмодель VCV-CV-CV) и *ме-ке-ке* (подмодель SV-CV-CV). В первом случае к началу первого элемента номинации добавляется тот же гласный и *хо-хо-хо* превращается в *охо-хо-хо* (модель порождения CV-CV-CV → VCV-CV-CV). Во втором случае также изменяется первый член трехчленной ономастопеи: консонант меняется на сонант: *ке-ке-ке* → *ме-ке-ке* (модель порождения CV-CV-CV → SV-CV-CV). Отметим, что по своей структуре ономастопея *ме-ке-ке* в общем случае (т.е. в отвлечении от различий сонантов и консонантов в пользу их тождества как неслоговых звуков – C''V-C'V-C'V) тождественна по фонетической структуре словам так называемого «бананового» субстрата⁵ в шумерском языке: *Zababa*. Как показывает имя одного из шумерских богов – *Bunene*, модель C''V-C'V-C'V может усложняться в C''V'-C'V-C'V за счёт замены вокала в пер-

⁴ V обозначает ударный гласный – *vocal*.

⁵ «Группа слов (главным образом, имен собственных), которые имеют отличающуюся от обычной шумерской лексики структура C₁V₁C₂V₂C₂V₂ (типа «*banana*», отсюда и название «банановый субстрат») [Бурлак 2005:75]. Строго говоря, модель C₁V₁C₂V₂C₂V₂ описывает слова типа *Bunene*, но при условии V₁=V₂ она описывает и слова типа *Zababa*.

вом члене номинации [Бурлак 2005:75]. В обоих случаях мы имеем дело с номинацией типа Y-X-X. Интересно, что номинация *ме-ке-ке* при другой расстановке знаков препинания оказывается элементарным членом двучленной номинации *мекеке-мекеке*. Ср. «Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал **козленочком**, прыгает перед Аленушкой и кричит: «**Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!**». «Дурачок потащил, а коза – **мекеке-мекеке!** Что ни потянет, коза все – **мекеке да мекеке!**» [Афанасьев 1984-1985]⁶. Данный пример демонстрирует не только известную условность избранного нами критерия определения и выделения составных номинаций, но и его продуктивность: он позволяет обнаруживать составные номинации, не отвечающие формальному критерию, сформулированному выше. Более того, номинация *мекеке да мекеке* позволяет выделить составную номинацию, образуемую по модели «X да X». Ср. её реализацию за пределами языка сказок: «*Говорят, умней они... Но что слышим от любого? Жомини да Жомини! А об водке - ни полслова!*» (Денис Давыдов, «Песня старого гусара»). Ср. другие составные номинации из НКРЯ: *бог да бог, галантир да галантир, глаз да глаз, дела да дела, деньги да деньги, дома да дома, дурак да дурак, завтра да завтра, лес да лес, нет да нет, ох да ох, перекаты да перекаты, пуце да пуце, сестра да сестра, степь да степь, тише да тише, туж да туж, хлоп да хлоп, чаще да чаще, шире да шире* и т.д. Как видим, модель X-у-X охватывает многие существительные и ономастопои. Полагаем, что составные номинации такого типа могут составить предмет отдельной статьи.

Среди трехчленных номинаций существительные представлены двумя: *бабушка-задворенка-ягинишина* и *Белозер-Палтос-рыба*. В общем виде обе номинации представляют модель X-Y-Z, однако их различия в морфологии и семантике весьма существенны. С учётом морфологического поведения номинаций: *бабушка-задворенка-ягинишина, бабушке-задворенке-ягинишине, бабушку-задворенку-ягинишину, бабушки-задворенки-ягинишины*, мы имеем дело с подмоделью Xf-Yf-Zf, где f означает флексию и указывает на склоняемость члена составной номинации. Как видим, все три члена составной номинации склоняются. С морфологической точки зрения перед нами самое обычное словосочетание и трёх морфологически самостоятельных слов.

Совсем иначе ведет себя вторая номинация: *Белозер-Палтос-рыба, Белозер-Палтос-рыбе*. Тут изменяется только последний член, то есть

⁶ Все приводимые далее примеры, кроме специально оговоренных, – из этого же источника.

словосочетание находится на пути к превращению в сложное слово. Подмодель этой номинации – X-Y-Zf.

Ещё больше различий в содержательном наполнении номинаций: *бабушка-задворенка-ягинична* состоит и родового слова – *бабушка*, видового слова – *задворенка* (т.е. находящаяся не при дворе, как *дворня*, а за двором, на задворках; *задворенка* буквально означает ‘задворная женщина’⁷) и «отчества» – *ягинична*. Это «отчество» особенно интересно. Слово *Ягинична* образовано от **Ягинич*, как *Никитична*, от *Никитич*⁸. В свою очередь, *Никитич* – сын *Никиты*, тогда **Ягинич* – сын **Ягини*. Понять отношения *Яги* и *Ягини* можно, обратив внимание на преимущественно отыменное происхождение слов на =*ыня*:

«ДОБР > ДОБРЫНЯ **Добрыня** обратилось в имя сказочного богатыря. **добрыня** м. добруша об. добрый человек; прямой и простоватый, нехитрый, нескрытый и доброжелательный.

ЖЕЛТ > ЖЕЛТЫНЯ **Желтыня** ж. по поверью, мать лихорадок, семи дочерей Ирода: желтой, зеленой, нутреной, дутой, студеной, рыкающей, огненной.

БЕРЕГ > БЕРЕГИНЯ **Берегиня** стар. берегуша, лопасть, шутовка, водяная, русалка.

ГОРА > ГОРЫНЯ **Горыня** м. сказочный богатырь и великанища, который горами качает. **Горынич** м. сказочное отчество, придаваемое богатырям, иногда змею, или жителям гор, вертепов, пещер.

ЯЗЫК > ЯЗЫНЯ **Языня** об. пустой, вздорный болтун, пустобай; | полоротый, разиня» [Даль 1998].

⁷ Ср. **Задворный** – находящийся «в конце двора», где обычно располагаются «небольшие постройки» «для молодого скота, стирки, сиделок и т.п.» [СРНГ, в.10:47]. «**Задворенка** 2. Женщина, живущая на задворках, на задворне (в 1-и и 3-м значении). <> Бабушка-з а д в о р е н к а (з а д в о р ё н к а). Старушка, живущая в одиноко стоящей избушке; обычно добрая колдунья, содействующая герою сказок в достижении его целей» [СРНГ, в.10:45]. **Задворня** 1. «Место за двором (дворами), позади избы (изб), где располагаются скотный двор, огород, гумна и т.д. зады, задворки» [СРНГ, в.10:46]. **Задворня** 3. «Задняя, последняя улица в деревне, построенной в несколько рядков» [СРНГ, в.10:47]. Таким образом, *бабушка-задворенка*, с одной стороны принижена и неказиста, как все волшебные помощники, а с другой – изолирована и отдалена от остальных, как все носители сверхъестественных способностей.

⁸ Впрочем, ср. *Илья – Ильич*, но *Ильинична*, *Лука – Лукич*, но *Лукинична*. По этой модели *Ягинична* выводится непосредственно из *Яги*, что, однако, оставляет открытым вопрос о происхождении отчеств на – *ичична*: формы **Ильинич* и **Лукинич* с их производящими *Ильин* и *Лукин* остаются онтологически необходимыми звеньями деривационной системы.

В нашем корпусе также встретились богатыри: *Дубыня* (*богатырь дубье верстает: который дуб высок, тот в землю пихает, а который низок, из земли тянет*), *Дугиня* («хоть какое дерево, так в дугу согнет!»), *Усыня* (*на берегу стоит человек, спер реку ртом, рыбу ловит усбм, на языке варит да кушает. «Здравствуй, Усыня-богатырь!»*) и *Горыня* («захватил тот богатырь целую гору, понес в лог и верстает дорогу. *Ивашко удивился: «... Уж больно силен ты, Горынюшка!»*). Такое обилие однородных имён в одной сказке – явное свидетельство былой продуктивности словообразовательной модели на =ыня для обозначения людей.

Весьма содержательна информация о Яге в словаре В.И. Даля: «Баба-яга или яга-баба, сказочное страшилище, большуха над ведьмами, подручница сатаны; Баба-яга костяная нога: в ступе едет, пестом погоняет (упирается), помелом след замечает; она простоволоса и в одной рубахе, без опояски: то и другое - верх бесчиния.» «ЕГА, яга ж. яга-баба, сказочный злой дух; или бранно злая баба. Баба-яга в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. У яги-бабы один зуб, да и тот клык. Яга-баба всем ведьмам набольшая». «ЯГА или яга-баба, баба-яга, ягая и ягавая или ягишна и ягинична, род ведьмы, злой дух, под личиною безобразной старухи. <...> Баба-яга, костяная нога, в ступе едет, пестом упирает, помелом след замечает. Кости у нее местами выходят наружу из-под тела; сосцы висят ниже пояса; она ездит за человеческим мясом, похищает детей, ступа ее железная, везут ее черти; под поездом этим страшная буря, все стонет, скот ревет, бывает мор и падеж; кто видит ягу, становится нем. Ягишною зовут злую, бранчивую бабу» [Даль 1998].

Для нас важно наличие вариантов *яга-ягая-ягавая*, что указывает на адъективную природу имени *яга*: «Однажды подглядела это *ягая-баба*, пришла к тому месту и начала его манить к себе такими же словами, как и мать; *Лутонюшка* услышал толстый голос *ягой-бабы* и сказал ей ответ: Нет, не матушкин голос: очень толст!» [Афанасьев 1984-1985].

Это позволяет интерпретировать слово *Ягиня*: *добр(ый) человек > добрыня, житель, богатырь или змей горы > горыня, дева берега > берегиня, жёлта(я) мать > желтыня, яга(я) баба > ягиня*. Таким образом, *Ягиня* оказывается фактически синонимом (вариантом) номинации *баба-яга* и просто *Яга*, что не противоречит, в принципе, и встречающимся в литературе трактовкам: «*Ягиня* – дочь Яги».

Ценность «матронимов» *ягишна* и *ягинична* мы видим в том, что они неопровержимо свидетельствуют о матрилинейности родовых отношений, а следовательно – являются неопровержимыми доказа-

тельствами наличия пережитков матриархата у славян, память о котором хранят и доносят до нас русские народные сказки.

Что же можно сказать о самом имени *Яга*? По мнению О.Н. Трубачева, «праслав. **ęga* представляет собой в формальном отношении отглагольное имя, производное от некоего гл. **ęgti*, не засвидетельствованного непосредственно в праслав.» [ЭССЯ, в.6:68-69]. Зато засвидетельствован глагол **ęgati*, являющийся его расширением на *-a-*. Ср. *яг'ать* и *'ęгать* 'сильно пылать' с производными значениями 'злиться, сердиться', 'кричать', 'сильно противиться', 'бегать, горячась', 'быстро идти' [ЭССЯ, в.6:69]⁹.

Семантика огня в этом глаголе и наличие значений 'рана, язва', 'болезнь, недуг', 'ужас, страх', 'гнев, досада' в славянских продолжениях прасл. **ęga*/**ęza* дают возможность наряду с предполагаемым О.Н. Трубачёвым «в конечном счете звукоподражательным происхождением» этих слов увидеть в *Яге* родство с и.-е. **ǵnī-s* 'огонь' как 'связанный с не-гниением' [ЭССЯ, в.32:32-33]. Это позволяет на индоевропейском уровне связать воедино *огонь* (с нулевым вокализмом: **ǵnī-*), *уголь* (с вокализмом *O*: **on-ǵnī-*) и *Ягу* (с вокализмом *E*: **en-ǵnī-* или нулевым – при дизном рефлексе сонанта **ǵ'->*in-*, как в латинском, но без утраты носового при отсутствии условий для «диссимилятивной утраты элемента *-n-*») [Гамкрелидзе 1984:257-258].

Отметим также, что Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов дают иную интерпретацию реконструируемой основе **ǵnī-* (в их системе обозначений – **ǵ-k'ǵn-i-*), которая, по мнению исследователей, «может, в конечном итоге, восходить к праформе **k'ǵ-k'ǵn-i-* с полной редупликацией корня и последующей диссимилятивной утерей консонантного элемента» [Гамкрелидзе 1984:257₄-258]. Редупликация форм в названиях 'огня' может быть типологически охарактеризована как "визуальная оноματοпея" [ibid.].

⁹ Ср. также указание на присутствие печи, (а значит, и огня) в характеристике *Бабы-Яги* Вяч. Вс. Ивановым и В.Н. Топоровым: «...такие атрибуты как лапата, которой она забрасывает в печь детей, согласуются с обрядовой интерпретацией сказок о ней как о жрице в обряде посвящения подростков (см. Инициация и мифы). Персонажи, сходные с *Б.Я.* известны в германской, греческой и других мифологиях». [Иванов 1987:149]. О неслучайности связи *Яги* с печью свидетельствует и приводимая В.И. Далем загадка: «*Стоит яга, во лбу рога* (печной столб с воронцами)» [Даль 1998]. То же – у В.Я.Проппа: «...образ *яги* восходит к тотемному предку по женской линии. <...> Именно как предок *яги* связана с очагом. <...> Очаг... вяжется с родоначальницей-женщиной» [Пропп 1998:171].

Поскольку в раннем и.-е. языке лексема **η-gni-* называла активный огонь, в отличие от неактивного **pūr-/peuōr-*, предположение о редупликации корня как способе обозначения его огромной силы представляется весьма правдоподобным. В таком случае связь ‘активного огня’ с ‘углями’ может относиться лишь к более позднему периоду языковой истории, когда оппозиция ‘активный : неактивный огонь’ была уже утрачена.

Таким образом, номинация *бабушка-задворенка-ягинишна* описывается как Xf(p)-Yf(v)-Zf(ip), где в скобках указана семантика: (**p**) – родовая, (**v**) – видовая и (**ip**) – «имя по родству»; в данном конкретном случае – имя матери-прародительницы.

Соответственно, номинация *Белозер-Палтус-рыба* описывается как Z(l)-Y(v)-Xf(p), где (**l**) означает «локус».

Последняя трёхчленная номинация является наречной: *точь-в-точь*. Может показаться, что её нет особого смысла описывать, ибо в языке сказок она одна подходит под формальное определение составных номинаций, данное выше. Модель этой номинации X-у-X (нижний регистр игрека указывает на служебный характер этого члена составной номинации), конкретно – X-в-X. Между тем эта модель является несомненной принадлежностью языка сказок, что отмечено самим В.Я. Проппом: «*Постоянная формула для выражения этого сходства – «голос в голос, волос в волос»* (Сев.)» [В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки (1946)] [НКРЯ]. Национальный корпус русского языка позволяет обнаружить расширение круга номинаций, образуемых по этой модели: «*Все три флигеля были, что называется, рост в рост, колос в колос и голос в голос*». [Н.С. Лесков. Некуда (1864)]; «*...попытайтесь выучить наизусть, слово в слово, буква в букву, всю ерунду бурсацкую <...> – тогда, честное слово, вы ошалеете навеки*». [Н.Г. Помяловский. Очерки бурсы (1862)] [НКРЯ]. Единственное изменение, которое при этом следует внести в модель, – заменить дефис («-») на пробел (« »).

Теперь перейдём к анализу **двучленных составных номинаций**, составляющих основную часть нашего материала – 1333 словоформы.

Они распадаются на две неравные части: меньшую, образованную по модели X-X (260 словоформ), и большую, образованную по модели X-Y (1073 словоформы).

Начнём с рассмотрения меньшей части. Первый аспект нашего рассмотрения – частеречный.

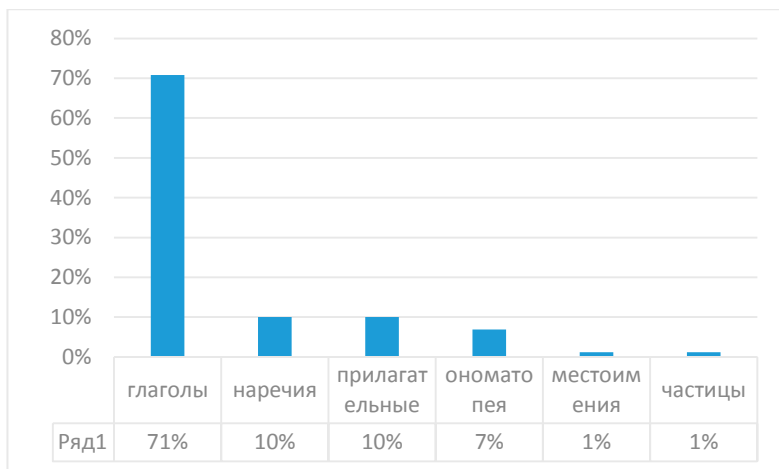

Рис.1. Распределение составных номинаций структуры X-X по частям речи.

Соответствующие данные представлены на Рис.1. Как видим, среди номинаций этой структуры преобладают глаголы, за ними следуют прилагательные и наречия. Местоимения и частицы весьма редки. Особо выразительным представляется полное отсутствие субстантивных номинаций этой структуры.

Приведём примеры неглагольных номинаций. Наречные: *вот-вот, едва-едва, давно-давно, светло-светло, ползком-ползком, еле-еле, мало-мало, рано-рано, худо-худо, долго-долго, жарко-жарко, много-много, мудро-мудро, остро-остро, шибко-шибко, близко-близко, больно-больно, горько-горько, громко-громко, крепко-крепко, далеко-далеко, хорошо-хорошо, высоко-высоко, далёко-далёко, насилу-насилу, надолго-надолго*. Адъективные: *густой-густой, жаркий-жаркий, злая-злая, крепкий-крепкий, рада-рада, старой-старой, черный-черный, большая-большая, высокий-высокий, глубокий-глубокий, дремучий-дремучий, широкой-широкой, бедные-бедные, бледная-бледная, длинную-длинную, долгое-долгое, крохотный-крохотный, ровная-ровная, старая-старая, темная-темная, великое-великое, высокая-высокая, высокие-высокие, глубокую-глубокую, широкая-широкая, широкое-широкое*. Ономастопея (в последовательности: модель, номинация, частота номинации в тексте-источнике): V-V *a-a* 2, *и-и* 6, CV-CV *гу-гу* 19, *ду-ду* 4, *фу-фу* 10, SV-SV *но-но* 12, VC-VC *ох-ох* 9, VS-VS *ай-ай* 6, CSV-CSV *ква-ква* 14, C'VC-C'VC *тюк-тюк* 12, CVS-CVS *бай-бай* 9, *гам-гам* 24, *дон-дон* 5, CVSv-CVSv *баю-баю* 12, S'Vv-S'Vv *мяу-мяу* 3, CvSV-CvSV *туру-туру* 5, C'vS'V-C'vS'V *тини-тини* 8,

S'vC'vC'V-S'vC'vC'V *мекеке-мекеке* 5. Частицы: CVC'-CVC' *чуть-чуть* 24, SVC-SVC *нет-нет* 18, SV-SV *ну-ну* 2. Местоимения: V-V *где-где* 32, vV-vV *чего-чего* 24, vV-vV *куда-куда* 12.

Внутри глагольных форм 93% составляют формы прошедшего времени, среди которых формы глаголов несовершенного вида встречаются в 5,5 раз чаще, чем формы глаголов совершенного вида. Распределение форм внутри глагольных составных номинаций представлено на Рис. 2.

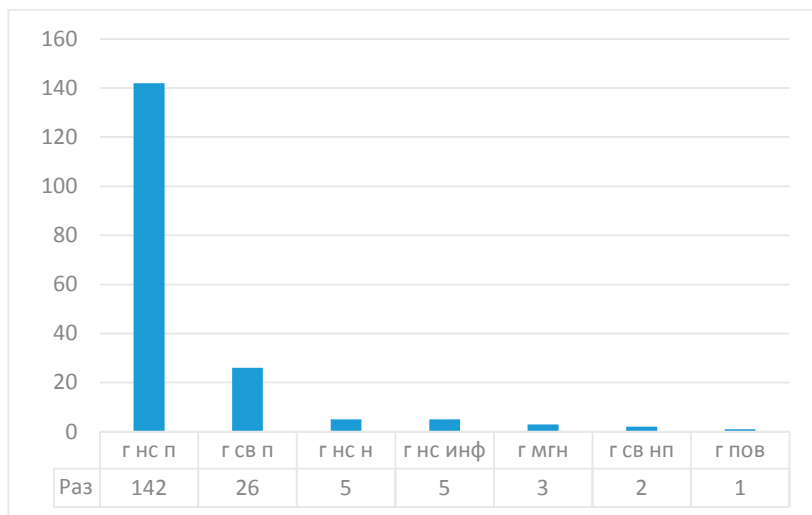

Рис. 2. Распределение глагольных составных номинаций структуры X-X по грамматическим формам (нс – несовершенный вид, св – совершенный вид, п – прошедшее время, н – настоящее время, нп – не-прошедшее время, инф – инфинитив, пов – повелительное наклонение).

Приведем примеры на каждый из типов номинаций, а затем рассмотрим ритмико-фонетическую структуру номинаций.

Глаголы несовершенного вида прошедшего времени: *спал-спал, шел-шел, бегал-бегал, бежал-бежал, били-били, бились-бились, бросал-бросал, валял-валял, варил-варил, вертел-вертел, водил-водил, гадал-гадал, гладил-гладил, гнала-гнала, грызла-грызла, гулял-гулял, давил-давил, драли-драли* и др.

Глаголы совершенного вида прошедшего времени: *пождал-пождал, погадал-погадал, подождал-подождал, полежал-полежал, постоял-постоял, потужил-потужил, подумал-подумал, полазил-полазил, поплакал-поплакал, попрыгал-попрыгал, пошарил-пошарил, подождали-подождали, покалякал-покалякал, покричали-покричали,*

полетала-полетала, полетали-полетали, помолчали-помолчали, походила-походила, подумала-подумала, подумали-подумали, поплакала-поплакала, попрыгала-попрыгала, погоревали-погоревали, подивовался-подивовался, посуетится-посуетится, потанцевала-потанцевала.

Глаголы несовершенного вида настоящего времени для этой модели не типичны: *идет-идет, идут-идут, вижу-вижу, едет-едет, еду-еду.*

Глаголы несовершенного вида в инфинитиве: *знать-знать, искать-искать, трясти-трясти, биться-биться, отважиться-отважиться.*

Эти формы имеют особое употребление, не являющееся стандартным в современном литературном языке. **Гнать-гнать:** *Он за ними, V и загнал их в такие трущобы, пропасти и горы, что ни в сказке сказать, ни пером описать.* **Искать-искать:** *Вот на беду пропало у царя его венчалное кольцо V нет нигде!* **Трясти-трясти:** *Между тем хозяин хватился ящичка, прибежал к оврагу, V за ремень нету его работника!* **Биться-биться:** *Поп V с ним, чтобы не ходил в просьбу.* **Отваживаться-отваживаться:** *Парень V с хозяином, отвалился, пал ему в ноги: «Прости, просрочил, вперед таков не буду!».*

Мгновенные формы глаголов также весьма редки: *нюх-нюх, стук-стук, хлоп-хлоп.*

Особого комментария заслуживают формы, которые мы назвали формами «непрошедшего времени». Формально перед нами будущее время, но контексты свидетельствуют, что действие происходит «здесь и сейчас», а не в будущем. **Погрызет-погрызет:** *Ведьма V, взглянет на Терешечку облизнется и опять примется за дело вот-вот к ней свалится!* **Поглазеют-поглазеют:** *Вот, глядя на него, и снохи тоже V, да и полезут вон из-за стола голодные.*

Формы повелительного наклонения в высшей степени не характерны для составных номинаций модели X-X. Во всём сборнике встретился только один пример на глагол несовершенного вида, правда, повторенный многократно: *«Пришли в чистое поле; говорит Марья-царевна: «Дай, сестрица, я пощущу у тебя в головке». Стала искать, а сама приговаривает: «Сни-сни, сестрица! Сни-сни, родима! Сни-сни, глазок! Сни-сни, другой!».*

Рассмотрим ритмико-фонетическую структуру номинаций модели X-X.

Вначале оценим соотношение номинаций по простоте-сложности её членов.

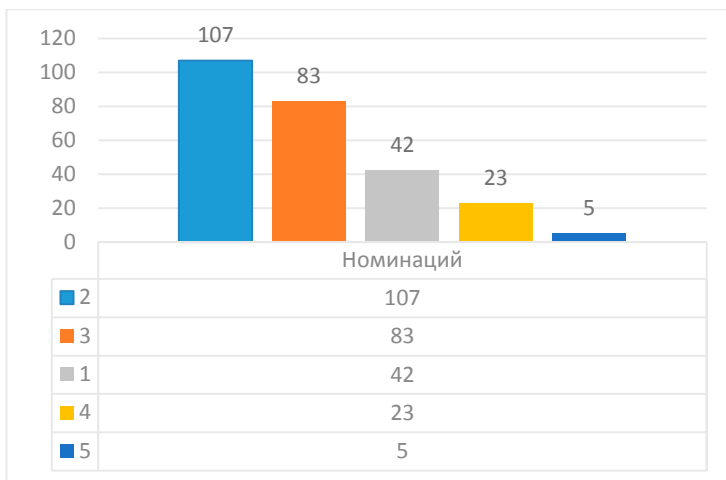

Рис.3. Соотношение номинаций модели X-X по количеству слогов.

Как видим, нормой для языка сказок является повторение двусложной и трёхсложной номинации, односложная номинация – вырожденный случай, а четырёх- и особенно пятисложные номинации отнюдь не близки к аномалии. Если вынести за скобки односложник как вырожденный случай, то действует универсальная закономерность: простые комбинации встречаются чаще, сложные – реже. Впрочем, и эта закономерность действует не без отклонений: пеон III встретился 12 раз, а анапест, как и пеон II, – 10 раз; пентон IV встретился 4 раза, а пеон I – всего 1 раз, как и пентон II.

Рассмотрим ритмическую организацию номинаций структуры X-X¹⁰.

Таблица 1. Распределение составных номинаций структуры X-X по числу слогов и месту ударения¹¹.

¹⁰ Мы сознательно не пользуемся терминами *дольник* и *тактовик*, поскольку солидарны с мнением К.М. Корчагина: «...пожалуй, наиболее последовательным решением было бы применение к свободному стиху тех же методов анализа, что применяются к стиху в традиционном смысле метрическому...»; «было бы интересно посмотреть на свободный стих и сопутствующие ему формы с точки зрения более привычного материала – распределения ударений, словоразделов и других, условно говоря, просодических параметров, с которыми стиховед имеет дело при обращении к традиционному метрическому стиху...» [Корчагин 2013:220]. Нам представляется продуктивным и на ритмическую организацию составных номинаций в сказках взглянуть сквозь призму традиционных силлабо-тонических размеров.

Размер	Модель	Номинаций	в %
Хорей	Υv-Υv	54	20,8%
Ямб	vΥ-vΥ	53	20,4%
Амфибрахий	vΥv-vΥv	50	19,2%
Односложник	Υ-Υ	42	16,2%
Дактиль	Υvv-Υvv	23	8,8%
Пеон III	vvΥv-vvΥv	12	4,6%
Анапест	vvΥ-vvΥ	10	3,8%
Пеон II	vΥvv-vΥvv	10	3,8%
Пентон IV	vvvΥv-vvvΥv	4	1,5%
Пеон I	Υvvv-Υvvv	1	0,4%
Пентон II	vΥvvv-vΥvvv	1	0,4%

Наглядно эти результаты представлены на Рис.4.

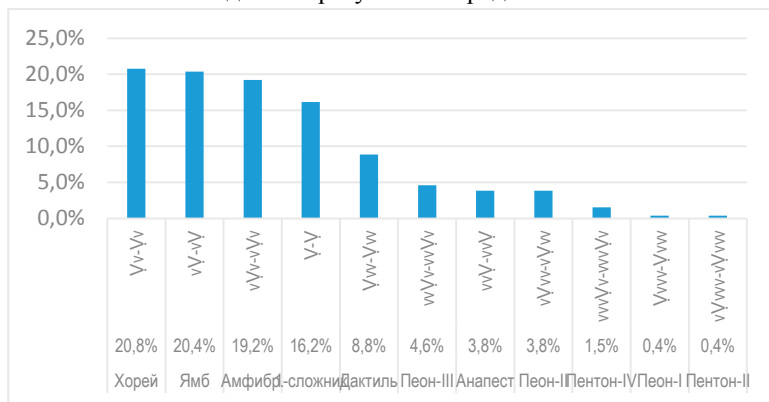

Рис.4. Ритмическая организация номинаций структуры X-X.

Как видим, двустопные размеры преобладают. На первый взгляд, разница между распространённостью хорей и ямба пренебрежимо мала – 0,4%. Но не будем спешить с выводами и проанализируем распространённость трёхстопных номинаций: амфибрахий – 19,2%, дактиль – 8,8% (вдвое меньше), анапест – 3,8% (вдвое меньше дактиля). Показательно, что есть четырёхсложный размер структуры *vVvv* (*широкое*–

¹¹ Мы пользуемся терминологией, принятой в Национальном корпусе русского языка [Гришина 2009:79], с незначительными отступлениями и дополнениями, о которых см. ниже.

широкое) – пеон II, который можно трактовать как осложнённый (анакрузой) дактиль. Есть даже пятисложная структура $vVvvv$ – пентон II, которую можно трактовать как осложнённый анакрузой пеон I или осложнённый двудольной эпикрузой амфибрахий: $vVv-vv$. Но нет осложнённого анапеста (пеона IV). При этом распространённость анапеста равна распространённости пеона II (анакрузированной дактиля) – 3,8% и уступает в распространённости даже пеону III (анакрузированной амфибрахию) – 4,6%, не говоря уже о чистом амфибрахий – 19,2. Амфибрахий – единственный размер, знающий как одно-, так и двудольную анакрузу (осложнённость двумя первыми безударными слогами), как можно интерпретировать пентон IV: $vvvVv$ – *потанцев'ала-потанцев'ала, посует'ится-посует'ится, подивов'ался-подивов'ался, погорев'али-погорев'али*). Если сложить частоты чистого и анакрузированной амфибрахия ($vvVv$ – *прогоняла-прогоняла, походила-походила, помолчали-помолчали, полетали-полетали, полетала-полетала, покричали-покричали, покалякал-покалякал, подождали-подождали, поглазуют-поглазуют, любовался-любовался, колотила-колотила, догоняли-догоняли*), то амфибрахий с 25,4% выйдет на первое место по распространённости, в то время как место дактиля даже с учётом осложнённых форм останется неизменным.

В чём же загадка амфибрахия? Осмелимся предположить, что в русском народном подсознании (коллективном бессознательном) амфибрахий интерпретируется как анакрузированный хорей, т.е. как хорей, осложнённый в начале безударным слогом: $v-Vv$ ¹². Соответственно, пеон III может быть интерпретирован как двустопный хорей с пиррихией на первом слоге – $vv-Vv$. Ритмика пеона I может быть понята как двустопный хорей с пиррихией на втором слоге – $Vv-vv$, а пентон II – как сочетание анакрузированного (брахихорея) и чистого хорей с пиррихией на последнем слоге – $v-Vv-vv$.

Аналогично и дактиль может интерпретироваться как осложнённый (конечным безударным слогом) хорей: $Vv-v$, а пеон II – $vVvv$ поддаётся интерпретации как двустопный ямб с пиррихией на второй стопе – $vV-vv$.

¹² Собственно говоря, в таком предположении нет ничего нового: «Эта стопа {Амфибрахий – А.К.} имела еще и другое название – б р а х и х о р е й , т.е. стопа, состоящая из краткого слога и хорей» [Квятковский 1963:27]. Ср. также: «По традиционной теории стиха первый, третий и пятый шестидольник относятся к хорейским размерам, а второй, четвертый и шестой шестидольник – к ямбическим» [Квятковский 1963:345].

Теоретически можно было бы предложить интерпретацию анапеста как осложнённого (начальным безударным слогом) ямба: v-vV. Однако низкая частота анапеста и особенно – отсутствие пеона IV – vvV, который можно было бы трактовать как двусложный ямба с пиррихией на первом слоге: vv-vV, свидетельствует, на наш взгляд, о явном предпочтении, отдаваемом хорю перед ямбом в симметричных составных номинациях русских народных сказок. Архаичность языка сказок позволяет предположить, что бóльшая распространённость и употребительность ямба в русской поэзии XIX-XX вв. – относительно позднее явление. Впрочем, не будем спешить с распространением характеристик симметричных номинаций, составляющих менее 20% нашего материала, на все составные номинации.

Рассмотрим **двусоставные номинации, образованные по модели X-Y.**

Двусоставные номинации этого типа могут быть рассмотрены в формальном аспекте и в содержательном.

В формальном аспекте они могут быть рассмотрены с морфологической (грамматической), морфемной (словообразовательной) и ритмической точек зрения. С ритмической точки зрения эти номинации можно подразделить на *силлабо-тонически* симметричные, *силлабически* симметричные и все остальные, которые автоматически окажутся *тонически* симметричными, поскольку каждая из двух частей составной номинации является фонетическим словом и несёт на себе одно ударение.

В содержательном аспекте они могут быть рассмотрены с точки зрения отношений значений первой и второй частей составной номинации.

Начнем с грамматической характеристики этих номинаций.

Таблица 1. Распределение составных номинаций структуры X-Y по частям речи.

ЧР	%	Номинаций
сущ	66,3%	709
гл	22,3%	238
прил	3,5%	37
нареч	3,1%	33
мест	1,5%	16
ономатоп	1,0%	11

числ	0,7%	8
прил/сущ	0,5%	5
сущ/числ	0,4%	4
гл/сущ	0,4%	4
межд	0,1%	1
част	0,1%	1
сущ/гл	0,1%	1
ономатоп/с	0,1%	1
ВСЕГО:	100%	1069

Наглядно эта информация представлена на Рис.5.

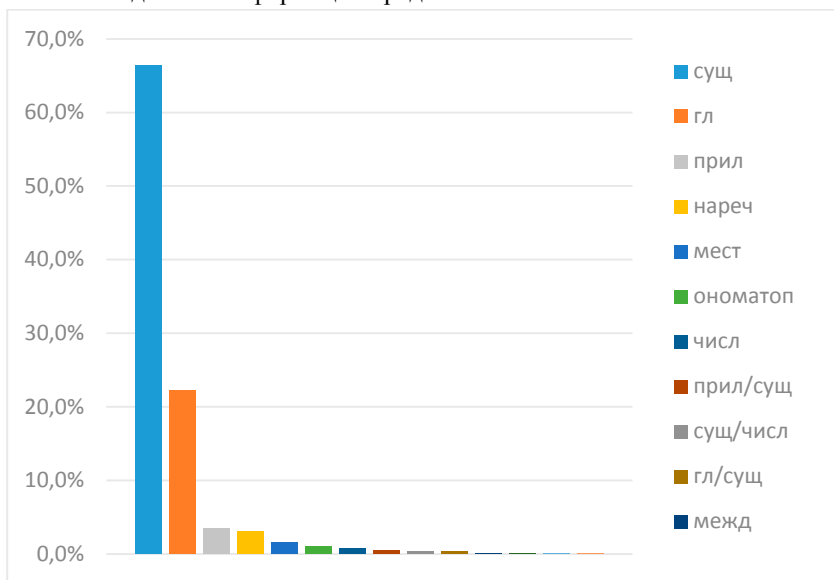

Рис. 5. Распределение составных номинаций структуры X-Y по частям речи.

Сравнение Рис. 5 с Рис. 1 даёт интересный результат: если в абсолютно симметричных составных номинациях модели X-X преобладали глагольные формы, то среди составных номинаций, образуемых по модели X-Y, преобладают субстантивные номинации.

В индоевропеистике принято различать полную редупликацию «т.е. повторение в производной основе всего корня,

путем его удвоения: $C_1VC_2-C_1VC_2$ -» и частичную редупликацию, «то есть повторение в производной форме элемента C_1 : $C_1V-C_1VC_2$ -» [Гамкрелидзе 1984:219].

При частичной редупликации первый V принимает значения V = i/u, e/o.

«Полная редупликация, именуемая также интенсивным (усилительным) удвоением, характеризует так называемые интенсивные глаголы и имена экспрессивного характера [Мейе 1938: 197, 223, 233, 287; Гамкрелидзе 1984:221].

Кроме того, известен тип «так называемого «ломаного» удвоения, в котором за полным ... слогом следует усеченная до первого согласного форма корня: $C_1VC_2-C_1$ -» [Гамкрелидзе 1984:222].

Если полная редупликация обслуживает преимущественно глаголы и звукоподражания (*kol-kol-, *gol-gol-, *tor-tor- ср. русск. *колокол, глагол, торотора* [Даль 1998]), то частичная и «ломаная» обслуживают преимущественно имена.

В нашем материале просматривается полная аналогия этому явлению: полная редупликация охватывает признаковые слова: глаголы, наречия, прилагательные и онomatопею, а аналог частичной редупликации охватывает на 2/3 существительные и лишь на 1/3 глаголы и остальные части речи.

Рассмотрим асимметричные онomatопеи.

Макромодель	Модель	Микромодель	Раз	X	Y
X-Y	p_1X-p_2X	шX-бX	14	ШУНЫ	БУНЫ
X-Y	p_1X-p_2X	$C_1V_1-C_2V_1$	18	КА	ГА
X-Y	$V_1C_1-C_1V_1$ метатеза	VC-CV	1	ОХ	ХО
X-Y	X-XC	V_1-V_1C	5	О	ОХ
X-Y	X-Y	C-V	3	М	Е
X-Y	X-Y	C'VS'-CVS	5	ТЕНЬ	БОМ
X-Y	X-Y	V_1-V_2C	2	О	ИХ
X-Y	$pX-X$	$V_1C_1V_1-C_1V_1$	2	ОГО	ГО
X-Y	X-pX	X-переX	29	СЁМ	ПЕРЕСЁМ
X-Y	Xп-Xрап инфикс!	Xп-X=ра=п $C_1VC_2-C_1VSVC_2$	14	ЦАП	ЦАРАП
X-Y	X-X=s_f	X-X=шк_и	2	БАЮ	БАЮШКИ

Онomatопея *шун'ы-бун'ы* (*Вытащила зуб и зачала мешать в миске да приговаривать: шун'ы-бун'ы будьте щи солонь!*) построена по модели p_1X-p_2X (латинская буква p – означает преформант: *префикс*,

предлог или *проклитику* – любой сегмент, стоящий перед общей частью X). Асимметрию этой номинации придаёт оппозиция Ш:Б, в которой глухой противопоставлен звонкому, фрикативный – эксплозивному, дентальный – лабиальному, двуфокусный – однофокусному.

По той же модели образована ономатопея *ка-га*. Её асимметрия тоже создана противопоставлением глухого звонкому: К:Г. Если принять во внимание центральную роль оппозиции по глухости-звонкости в формировании русского консонантизма, именно ономатопеи позволяют важный сделать семиотический вывод: в составных номинациях типа X-Y маркирован второй член (Y), всегда представленный маркированным – звонким согласным¹³.

Ономатопея *ох-хо* интересна своей зеркальной симметрией, порождённой метатезой звуков в X-е (из первой части номинации).

Пределом асимметричности представляется ономатопея *м-е*. Перед нами явная орфографическая условность: нормальным написанием было бы *ме* или *ме-е*. (Он [козлёнок] заплакал: *м-е*).

Интересна по своему строению ономатопея *тьнь-бом* (*У нас зовнут: тень-бом! тень-бом!*). Её фонетическая модель C'VS'-CVS. Она построена на оппозициях: диезность-недиезность, глухость-звонкость (т:б), дентальность-лабиальность (т, н : б, м).

Ономатопеи *о-ох* и *о-их* одновременно и схожи, и несхожи. Их сходство можно показать с помощью модели V-VC или V-Vx. А несходство связано с наполнением вокалов: V₁-V₁C и V₁-V₂C. Тождество вокалов в первой модели позволяет переписать её как X-XC или X-Xx. Механизм их порождения связан с созданием оппозиции открытый : закрытый слог прибавлением глухого фрикативного заднеязычного ко второму слогу. Ономатопея *о-их* использует также оппозицию бемольность : диезность вокалов.

Ономатопеи *ого-го* (***Ого-го***, – *бают*) и *сём-пересём* (***Сём-пересём*** на лопатке испечён / мужик песню спел, / на капустах сел, / съел три короба блинов, / три костра пирогов, / заулук роговлек, / заход калачей / мак'инницу сул'ю, / овин киселя, / поваренку щей!) зеркально симметричны: рX-X и X-рX. В *ого-го* перед первой частью воспроизводится вокал, а в *сём-пересём* перед второй частью появляется приставка *пере-*.

¹³ Ср. сходное наблюдение Р.О. Якобсона: «Если два собственных имени связаны сочинительной связью, то адресант, хотя и бессознательно, ставит более короткое имя первым (разумеется, если не вмешиваются соображения иерархии): это обеспечивает сообщению лучшую форму» [Якобсон 1975]. Более короткое имя можно толковать как немаркированное, более длинное – как маркированное.

Баю-баюшки образуется по модели X-X=s_f (подмодель – X-X=шк_и).

И, наконец, ономотопея *цан-царан* образуется древней праиндоевропейской и реликтовой для русского языка техникой – и н ф и к - с а ц и е й : C₁VC₂ → C₁V-SV-C₂. При этом инффикс состоит из сонанта |P| и вокала первого слога – |A|.

А теперь перейдём к описанию моделей номинаций полнозначных частей речи в порядке убывания их распространённости в тексте-источнике. Информация об их распространённости представлена на Рис. 6.

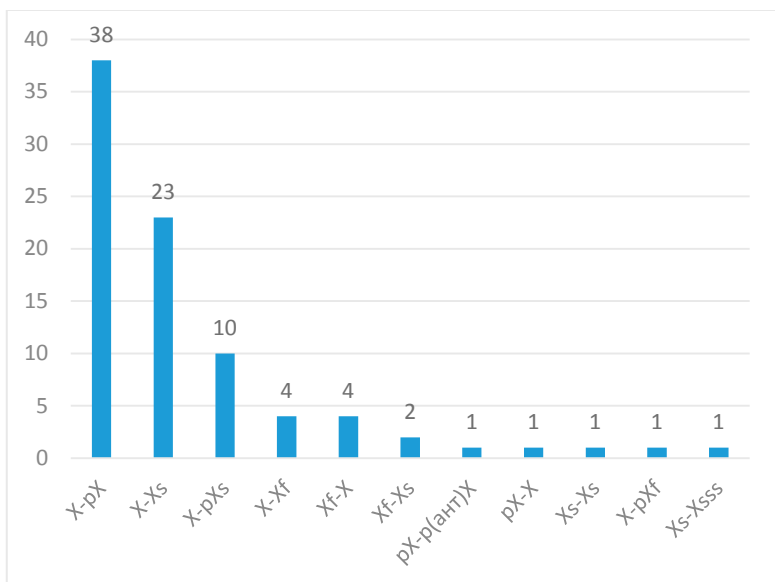

Рис. 6. Распространённость моделей X-Y с общей частью (X).

(К способу представления моделей необходимо дать пояснения: преформанты, суффиксы и флексии указываются только в том случае, если они не нулевые и не совпадают у X и Y).

Самый распространённый тип модели этой разновидности составных номинаций – X-pX. Он содержит подтипы, различающиеся «p» – преформантами: приставками, предлогами, проклитиками и квазипреформантами: *время-навремя, гладко-нагладко, густо-нагусто, жарко-нажарко, крепко-накрепко, просто-напросто, строго-настрого, крест-накрест, скоро-наскоро, чисто-начисто, туго-натуго, всего-навсего, ум-разум, умом-разумом, уму-разуму, ума-разума, хороша-*

расхороша, крутому-раскрутому, хороший-расхороший, жарко-разжарко, ждал-пождал, ждать-пождать, думали-подумали, ждет-пождет, глядь-поглядь, беднеющие-пребеднеющие, богатая-пребогатая, большую-пребольшую, дурную-предурную, старая-престарая, волей-неволей, видимо-невидимо, когда-некогда, пала-пропала, убил-загубил, тень-потетень.

Как правило, обе части содержат семантику первой части – (х), но вторая часть содержит её в усиленном, акцентированном виде (х+): *крепко-на́крепко, хороший-расхороший, богатая-пребогатая*. Исключения составляют сочетания с отрицанием *не-*: *волей-неволей, видимо-невидимо, когда-некогда*, имеющие комплексную семантику, лежащую за пределами обеих частей номинации: *волей-неволей* – ‘без учёта желаний’; *видимо-невидимо* – ‘очень много, бесчисленное множество’ и т.п.

Отдельный интерес представляет номинация *тина-плотина* (*Ери погулял один час и стал всю рыбу обижать, к тине-плотине прижимать*), переходной к которой нам представляется *пала-пропала*, ещё сохраняющая тождество корня, но уже содержащая не тождественную, хотя и не взаимоисключающую, семантику обеих частей.

Номинация же *тина-плотина* – уже чисто поэтическое или (что то же самое) – чисто формальное образование, базирующееся на созвучии-рифме и если и учитывающее семантику, то лишь настолько, чтобы к тому и другому можно было *прижимать* (к *плотине* даже лучше, чем к *тине* «зелёным водорослям, плавающим густой массой в водоёмах со стоячей водой или выстилающим их дно» [БТС-2010]). Модель *X-pX* при порождении номинации *тина-плотина* в своей первой части имеет полнозначное слово *тина*, но вторую часть трактует исключительно как форму: *p=пло*, а *X'=тина* и это при том, что морфемный состав слова *плотина* – *плот=ин_а*, а никак не *пло-тина*! Так в составных номинациях сказок просматривается становление поэтической функции языка (в понимании Р. Якобсона [Якобсон 1975]).

Близка к данному случаю ономотопея *убил-загубил* (*Вот начали разрывать бугорок и мертвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал, и лежит она **убитая**, неведомо кем **загубленная**, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают, кто **убил-загубил** ее? А дудочка сама играет-выговаривает: «Свет мой батюшка родимый! Меня сестры в лес зазвали, меня бедную **загубили** за серебряное блюдечко, за наливное яблочко...»), которая чисто формально может быть описана той же моделью *X-pX*, в которой *X=убил*, а квазипреформант *p=заг*. Семантические отношения между X_1 и X_2 можно определить как синонимические: *убить* «а) Лишить жизни, умертвить. б) Довести до смерти» [БТС-2010]; *загубить* «Привести к*

гибели, смерти» [БТС-2010]. Эта ономотопея удивительна с точки зрения гармонии формы (рифмы) и содержания (синонимии) при разительном различии морфемного состава. Ср. *у-би=о=л* – *за-губ=и=л*: приставки разные, корни разные, глагольные суффиксы разные; кроме грамматического показателя прошедшего времени *=л* части составной номинации не имеют ни одной общей морфемы.

Столь же виртуозна и номинация *биться-рубиться*, порождаемая моделью *X-pX* при *X=биться*, а *p=ру*. Морфемный состав этих номинаций различен и в корне, и в суффиксе: *би=О=ться*, *руб=и=ться*. Совпадают у них только чисто грамматические показатели. А семантика между тем чрезвычайно близка: *биться* «сражаться, драться» [БТС 2010], *рубиться* «драться, сражаться холодным оружием» [БТС 2010]. Первый член номинации указывает на родовое действие, второй – его уточняет и конкретизирует.

Не менее интересна и номинация *тень-потетень*. Формально она также укладывается в модель *X-pX* при *X=тень*, а квазипреформант *p=поте*. Всё сказанное выше про номинации *тина-плотина*, *убить-загубить* относится и к ней, поэтому мы обратимся к её уникальной особенности. Морфемное членение лексемы *потетень* не очевидно. Поэтому обратимся прежде всего к контексту:

*«Тень-потетень
выше города плетень,
на полице
гороховая трубица¹⁴,
на печи калачи,
как огонь горячи,
с печки упали,
в горшочек попали».*

Слово *тень* «тёмное отражение на чём-л., отбрасываемое предметом, освещённым с противоположной стороны» [БТС-2010] известно всем словарям русского языка, между тем как *потетень* отсутствует даже в словаре В.И. Даля. Правда, оно представлено в «Словаре русских народных говоров»: «**Потетень**, ж. Тень (-тень) – п о т е т е н ь . В загадке: *Тень потетень, выше городу плетень; на том плетне лепетун* (отгадка: колокольня). **Тобол.**, 1864. **Казан.**, **Тамб.** ~ **Тень** – **потетень**

¹⁴ Разбивка на строки – наша. В источнике – «*трубица гороховая*». Исходя из общей структуры стихотворного текста, исправляем эту непоследовательность (А.К.).

да на каждый день. О пустой, непроизводительной работе. Илим. Иркут., 1970» [СРНГ 30:279]¹⁵.

И здесь мы встречаемся со стихом. И здесь фигурирует *плетень*. Это заставляет вспомнить поговорку *наводить/навести тень на плетень* «намеренно запутать, сделать неясным что-л.» [БТС-2010], с её вариантом «*навести тень на ясный день* (погов.; намеренно запутать, сделать неясным что-л.)» [ibid.], в которой *тень* явно означает отсутствие света.

Но преобразование *плетня* в *колокольню* заставляет заподозрить в слове *тень* оноματοпею, а словарь Даля (правда, внутри словарной статьи производного слова) фиксирует другое слово *тень* (обозначим его *тень₂*): «ТЕНЬКАТЬ звонить, брэнчать, позванивать (перезванивать), побрякивать. *Теньтень*, звон колокольчика. *Летел тень на Петров день, сел тень на пень, стал тень плакать?* отбой косы» [Даль 1998]. Таким образом, *тень₂* – оноματοпея, обозначающая звон, брэнчание, позванивание, перезванивание, побрякивание, например, колокольчика или косы (при отбивании). Обратим внимание на то, что и тут *тень₂* встречается в стихотворном контексте и рифмуется со словом *день* уже в своем оноματοпоэтическом значении.

Тень₂ является производящим для глагола *тенькать*, представленного во всех словарях русского языка, например, «**Тенькать** –ает; см. тж. *тенькнуть, теньканье* а) Издавать звонкие, но короткие звуки при ударах; звякать (о металлических предметах) *Тенькал колокольчик. Тенькала пила. Тенькает капель*. б) Издавать тонкий, высокий звук (о птицах) *Тенькает зяблик, перепел. Звонко тенькает синица*» [БТС-2010].

Представленность номинации *тень-потетень* целиком или частями в стихотворных сакрально-этиологических текстах, к которым относятся загадки, говорит о большой древности этой номинации, объясняющей, как амбивалентность первой части, предстающей то как *тень₁*, то как *тень₂*, так и архаичное строение второй.

В свете привлеченной информации словоформа *потетень* разлагается на приставку *по-* (ср. пары *стук-постук, скок-поскок, рыск-порыск, хватъ-похватъ, нюх-понюх, пых-попых*¹⁶), корень *-тень* и сегмент *-те-*, явно не являющийся ни приставкой, ни корнем.

¹⁵ Эта загадка объясняет, почему «плетень выше города». Поскольку *плетнём* названа *колокольня*, всё встаёт на свои места – колокольня как самое высокое сооружение, действительно, была выше остальных зданий города.

¹⁶ Ср.: «ПЫХАТЬ (пышу и пышешь) или пышать (пышу и пышишь), пыхнуть, пыхивать, дышать сильно, глубоко и скоро, пыхтеть. <...> Пышание, пыхание ср. пышка ж. **пых** м. действ. и сост. по глаг. | **Пых**, пыль, спех, горяч-

Перед нами частичная редупликация корня по модели $C_1V-C_1VC_2$ с $V=e$: *те-ТЕНЬ*. И в данном случае мы обнаруживаем в сказочной составной номинации следы действия архаичной праиндоевропейской словоизменительной техники: *тьень* > *те-тьень* (> *по-те-тьень*).

Следующая по употребительности модель – $X-Xs$. Она представлена следующими номинациями: *король-королевич, короли-королевичи, царь-царевич, цари-царевичи, князь-княжевич, князя-княжевича, поппоповича*. В семантическом отношении эти номинации построены как имя, обозначающее социальный статус человека и образованное от него отчество как указание на наследственный характер этого статуса: *король, сын короля; царь, сын царя; князь, сын князя; поп, сын попа*. Такие номинации можно рассматривать как редупликацию, указывающую на истинный, подлинный, высший вид данного социального статуса. При этом вторая (квазипатронимическая) часть выполняет функцию усиления: (x)-(x+).

Выход за пределы нашего источника в область детского фольклора позволяет увидеть, что сфера действия этой модели не ограничивается статусными именами:

Тра-та-та, тра-та-та,
Вышла кошка за кота;
За *Кота-Котовича*,
За Иван Петровича!

В современном русском языке отчества образуются только от имен собственных. А применение патронимических формантов к именам нарицательным является отражением очень древней и самой архаичной из отмечаемых в фольклоре особенностей мифологического мышления – его этиологичности, при которой сущность явления заключена в его происхождении¹⁷. Поэтому первый вопрос, задаваемый

ность, торопи. Что за **пых**? **Впопыхах**, с **попыхов** все позабыл. <...> **Пых**, междомет. как *пырь, бряк, чих* и пр. *Порох пых, а ружье бух! Пых, пых по горам, сказ.*» [Даль 1998]. Слово *попых* представлено в речениях *в попыхах* (слитное написание – орфографическая условность, затемняющая и искажающая морфемный состав речения), *с попыхов*. Ср. лемму *попыхи*: «мн. устар. Метание из стороны в сторону; спешка, суета» [Ефремова 2006], соответствующую далекому *пых* «спех, торопи» в *Что за пых?*

¹⁷ Интересно, что диалектическая логика унаследовала, удержала и развила эту идею. Ср. сноску 33.

в сказках и былинах незнакомцу – о его происхождении (*роде-племени*)¹⁸.

Семантика номинаций *терем-теремок, петух-петушок, кот-коток, волк-волчок, один-одинехонек, один-одинешенек, одна-одинехонька, одни-одинехоньки, одну-одинешеньку, кум-куманек, муж-муженек* устроена несколько иным образом: (х)-диминутив (х)-а.

Особого комментария требует номинация *тьма-тьмущая* (с падежным вариантом *тьму-тьмущую*), представляющая собой своего рода лингвистическую загадку. Вот что пишется о семантике суффикса =*ущ(ий)*:

«**-ущ-(ий)** I = *-ющ-(ий)* Формообразовательная единица, выделяющаяся в словах обычно причастного происхождения со значением характеризованности действием или состоянием, названным глаголами, от которых соответствующие слова образованы (*блистающий, вызывающий, завидующий, имущий, начинающий, потрясающий, сверкающий, угрожающий* и т.п.). II = *-ющ-(ий)* Словообразовательная единица, выделяющаяся в качественных именах прилагательных с усилительно-увеличительным значением (*большущий, длиннущий, жаднущий, злоущий, худущий* и т.п.). III = *-ющ-(ий)* Формообразовательная единица, образующая действительные причастия настоящего времени (*делающий, живущий, зовущий, угрожающий* и т.п.)» [Ефремова 2006].

Из перечисленных вариантов ближе всего II-ой: «с усилительно-увеличительным значением». Правда, этот случай предусмотрен для прилагательных, а не существительных, каким является слово *тьма*.

В тексте сказок Афанасьева представлены следующие слова на *-ущий*: прилагательные «с усилительно-увеличительным значением»: *большущий, пребольшущий* («*Видит посеред поля костер горит и большущий костер такой — пребольшущий!*»); формы архаичных бытийных глаголов, восходящие к причастиям: *сущий, будущий*; обычные причастия: *плывущий, неимущий*; необычные адъективированные причастия: *невидущий* («*Православные христиане, подайте Христа ради слепому-невидущему!*»; ср. нормативное *невидящий*),

¹⁸ Например, «*Ну скажи теперь, добрый молодец, нареченный муж, какого ты роду-племени и куда путь держишь?*» «*Я – Иван гостинный сын, а путь держу к твоему батюшке, царю Некрещеному Лбу*». «*Царь приказал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают ее: откуда она и чьего роду-племени?*» «*Так и так, — говорит Аленушка, — был царь и царица, да померли; остались мы, дети: я — царевна, да вот братец мой, царевич*». «*Ты скажись, добрый молодец, ты какого роду-племени? Как тебя по имени будет звать, по отчеству величать?*».

целющий, живущий («...и нашел в седле – два пузырька с *целющей и живущей* водюю зашто»). Ср. нормативные формы: *целящая* и *живящая* вода). Изменение вокализма с нормативного [e] на ненормативный [o]: *нев'идЯщий* > *невид'Ущий*; *целЯщий* > *целЮщий*; *живЯщий* > *живУщий* можно трактовать как сигнал адъективации причастия. В паре *нев'идЯщий* > *невид'Ущий* в качестве дополнительного сигнала адъективации наблюдаем также перенос ударения с корня на суффикс.

Поскольку суффиксу =*ущ(ий)* неоткуда взяться, как из причастия, можно предположить, что прилагательные *большущий, длиннущий, жаднущий, злющий, худущий* и т.п. восходят к причастиям отадъективных глаголов: *большой-большить-большущий, длинный-длиннить-длиннущий, злой-злить-злющий, худой-худить-худущий* и т.д.

В пользу этой версии свидетельствует пара *важный-важнеющий* практически в тождественном контексте: «Француз настаивал на остатках.... – На что же ему остатки-то? – сказал Каратаев. – Нам подверточки-то *важные* бы вышли. <...> – Каратаев, задумчиво улыбаясь и глядя на обрезки, помолчал несколько времени. – А подверточки, дружок, *важнеющие* выдут, – сказал он и вернулся в балаган». (Л.Н. Толстой, Война и мир). Причастнообразная форма *важнеющий* выводится из прилагательного *важный* через ступень глагола *важнеть*, а перенесение ударения на суффикс =*ущ*: *важн'еющий* > *важне'ющий*, выступает уже встречавшимся нам сигналом адъективации причастия.

В таком случае лексема *тьмущая* в номинации *тьма-тьмущая* имеет следующую деривационную историю: *тьма* > *тьмить* > *тьмящий* (действительное причастие настоящего времени) > *тьмущий* (прилагательное «с усилительно-увеличительным значением»; ср. *живящий* > *живущий*). Как видим, и здесь вторая часть составной номинации оказывается маркированной, т.е. и здесь реализуется семантическая модель (x)-(x+).

Следующая по употребительности номинация *X-pXs*: *пели-выпевали, были-побывали, был-побывал, жил-поживал, жить-поживать, видели-повидали, рос-подростал, росли-подростали, были-пробывали, жил-проживал*. Значения *p* = *вы-, по-, под-, про-* – все приставки, а значения суффикса *s* = *-ва/-а* – варианты (алломорфы) глагольного суффикса со значением продолжительности или многократности действия. По классификации Г.П. Мельникова, это 4-ая степень глагольного действия [Мельников 1987; 2001].

Таким образом, и здесь реализуется семантическая модель (x)-(x+), предполагающая усиление и акцентирование второго члена.

Следующая модель $X-Xf$ конкретизируется как $X^{им}-X^{тв}$: *молодец-молодцом, черт-чертом, река-рекой*. Первая часть содержит немаркированный именительный падеж имени X, вторая – никогда не нейтрализуемый, а следовательно – максимально маркированный – творительный падеж X.

Отклонением от этой модели является номинация *насил-насилу* (*Отошла заутрeня, зазвонили к обедне, Ненаглядная Красота в церковь поехала прибежала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича, бьет его чем ни попадя, **насил-насилу** разбудила*), в которой первая часть оказывается усеченной в результате редукции в аллегорической форме речи. Таким образом, эта номинация, формально принадлежа макромоделю $X-Y$ и модели $X-Xf$, в действительности является фонетически деформированным вариантом симметричной номинации $X-X$: *насилу-насилу*.

Модель $Xf-X$ является зеркальным отражением предыдущей модели: *раным-рано, далеким-далеко, высоким-высоко, давным-давно*. Здесь первая часть имеет форму творительного падежа, а вторая – краткого прилагательного среднего рода именительного падежа. Вторая форма обеспечивает выполнение составной номинацией обстоятельственной функции: *раным-рано, давным-давно* – обстоятельства времени; *далеким-далеко, высоким-высоко* – обстоятельства места. Ср. *Василий-царевич воротился домой и залег спать с вечера только с горя, со кручины не мог уснуть крепким сном; поутру встал **раным-рано** и говорит дядьке: Поедем на корабле прогуляться! Расскочились еще надвое **далеким-далеко** да по чистому полю, добрых коней обворачивали, в одно место съезжались, копытами ткнулись, их копыта до земли погнулись, а лат проколоть не смогли; срацынский богатырь в седле пошатнулся. Едет **далеким-далеко, высоким-высоко**; день коротается, к ночи подвигается; стоит двор что город, изба что терем. Здравстуй! – говорит гуляка, и позабыл, что знакомый его **давным-давно** приказал долго жить*.

Это первая встретившаяся нам модель, в которой маркирован первый, а не второй член: $(x+)-x$. Любое отклонение от нормы экспрессивно. Такие номинации можно рассматривать как экспрессивные (нарушающие ожидание, острающие) варианты составных двучленных номинаций в языке сказок.

Интересной разновидностью рассмотренной модели является модель $Xf-Xs$, представленная микромоделю $X^{тв}-X=ёшеньк(о)/-ёхоньк(о)$ и номинациями *раным-ранёшенько* и *раным-ранёхонько*: с одной стороны, первая часть оформлена максимально маркированным творительным падежом, а вторая – немаркированным именительным, но с

другой стороны, первая часть имеет непроемную основу, а вторая – произмую с диминутивным суффиксом –*ёшеньк-/ёхоньк-* (перед нами алломорфы, находящиеся в отношении свободной варьирования, а не две разных морфемы). В семиотическом отношении перед нами разновидность весьма редкой эквивалентной оппозиции (x⁺)-(x₊), возникшей в результате наложения моделей X-Xs и X^{тв}-X^{им}.

Следующая модель Xs-Xs представлена номинацией *воробышек-воробей* и по своей форме также может быть отнесена к эквивалентным: *Хышек-Хёй*. Но если принять во внимание, что *воробей* является нейтральной (немаркированной) формой слова, а *воробышек* – его диминутивом, то с семантической точки зрения перед нами такая же аномальная номинация с маркированным первым членом: (x⁺)-(x), как и *давным-давно*.

Модель Xs-Xsss с микромоделью и *Хиц(ы)-Хашечк(и) – птицы-пташек* в формальном отношении также можно считать эквивалентной: ведь суффиксальные части номинации не совпадают. Но если принять во внимание, что перед нами три составных номинации, вложенные одна в другую: *птицы-птахи* > *птицы-пташки* > *птицы-пташек*, то становится совершенно очевидной неоднократная диминутивная маркированность второго члена номинации. Перед нами типичный случай (x)-(x⁺).

В этому же типу номинаций относится и модель X-Xss, представленная номинацией *петя-петушок*. Ср. *петя-петух*. Если номинация *петя-* образована усечением, точнее – приближением к корню *пе-ть*: *пет-ух*, *пет-ел*, *пет-ун*, *пе(в)-ун*, *пе(в)-ень*) и омонимическим сближением с именем *Петр*, то вторая (*петушок*) является диминутивом слова *петух*. Перед нами тот же случай (x)-(x⁺).

К нормальным номинациям относится также *мало-помалу*, порождаемая моделью *X-pXf* при X=*мал(о)*, p=*по*, f=*у*. Маркированной оказывается вторая часть. Семантически же перед нами интеграция семантики словосочетания *мало по малу*¹⁹ в значение «постепенно, понемногу» [БТС 2010].

Аномальной является номинация *по лесу-лёсу*, порождаемая моделью *pX-X* при X=*лесу*, а p=*по*. Формально перед нами полная редупликация, но перенос ударения на предлог *ПО*, обозначенный в тексте препятствует столь прямолинейной интерпретации. Предлог удлинняет и (вместе с переносом ударения) маркирует первую часть составной номинации.

¹⁹ Более удачным, чем кодифицированное, представляется написание *мало-по-малу*.

И последняя модель данного типа – рХ-рХ, представленная номинацией *расходятся-сходятся*: *А дворец тот золотой и стоит на одном столбе на серебряном, а навес над дворцом самоцветных камней, лестницы перламутровые, как в обе стороны **расходятся-сходятся***. Судя по контексту, лестницы сначала *расходятся*, а потом *сходятся*. Поскольку *сходиться* «в обе стороны» невозможно, эта часть контекста относится только к *расходятся*. В данном случае мы имеем дело не просто с эквиолентной организацией оппозиции, а с антонимической (взаимоисключающей) противопоставленностью значений приставок *рас-* : *с-*.

Для семантического представления такой номинации можно предложить модель $(x^+)-(x^-)$.

В заключение представим соотношение нормальных $(x)-(x^+)$, аномальных $(x^+)-(x)$ и эквиолентных $(x^+)-(x,+)/(x^+)-(x^-)$ оппозиций в 87 рассмотренных составных номинациях.

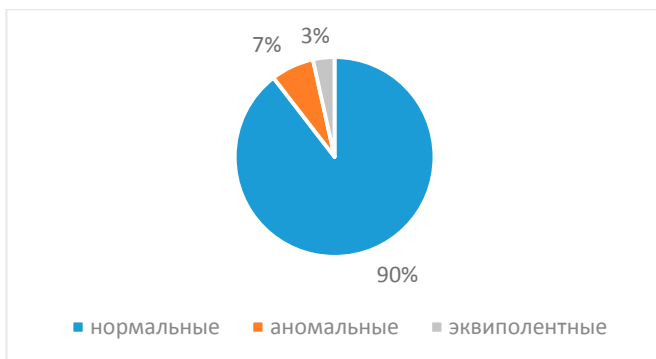

Рис.7. Соотношение семиотических типов составных номинаций с общей корневой частью.

Как видим на Рис.7 нормальные номинации с усилением на второй части в 9 раз превосходят по встречаемости аномальные и эквиолентные вместе взятые. Эквиолентные номинации, в свою очередь, встречаются более чем вдвое реже аномальных.

Перейдём теперь к анализу самой большей части нашего материала – 970 асимметричным двучленным номинациям макромодели X-Y с различной корневой частью.

Вначале рассмотрим формальное соотношение частей номинации, а затем – соотношение их семантики.

Рассмотрение формы составных асимметричных двучленных номинаций с различной корневой частью начнём с пояснения формального их представления.

1) Флексии (в норме) являются непременной частью русского слова, поэтому они принимаются во внимание лишь в том случае, когда одна из частей номинации не склоняется.

Нормой является склонение обеих частей составной номинации, ибо, как правило обе части принадлежат одной части речи. Например, *Марфа-царевна, Марфе-царевне, Марфой-царевной, Марфою-царевною, Марфу-царевну, Марфы-царевны*.

Отклонением от нормы является утрата склонения первой частью номинации. Например, *жар-птица, жар-птице, жар-птицею, жар-птицу, жар-птицы* или *Еришико-кропачишко, еришико-пагубнишко* *склася на дровнишки со своим маленьким ребятишкам, пошел он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку, из Трос-реки в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Ростовское озеро и в этом озере выпросился остаться одну ночь от одной ночи две ночи, от двух ночек две недели, от двух недель два месяца, от двух месяцев два года, а от двух годов жил тридцать лет.*

Ср. оба случая применительно к одной номинации: *Дунай-реке* и *Дунаю-реке*.

Обычно неизменяемость первой части при изменяемости второй указывает на процесс сращения частей составной номинации и превращения её в морфологически сложную, но синтаксически нечленимую номинацию (критерий словоизменения по А.И. Смирницкому). Например, *океан-море, океан-моря, океан-морю, океан-моря*. Форма *океана-моря*, встретившаяся в том же источнике, указывает на то, что процесс превращения составной номинации в синтаксическое слово ещё не завершён. В разных местах и у разных сказителей этот процесс может идти с разной скоростью.

К номинациям такого рода относятся следующие: *царь-девица, царь-девице, царь-девицею, царь-девицу, царь-девицы, Иван-богатырь, Иван-богатырю, Иван-богатыря, Иван-дурак, Иван-дурака, Иван-царевич, Иван-царевича, Иван-царевичу, чудо-юда, чудо-юдод, чудо-юдодова, чудо-юдодову, чудо-юдодовы²⁰, богатырь-девка, богатырь-девке, богатырь-девкою, богатырь-девку, кит-рыба, кит-рыбе, кит-рыбу,*

²⁰ В этом и предшествующих случаях номинация *чудо-юдо* уже на правах универба вступает в словообразовательные отношения, осложняясь притяжательным суффиксом =ов: *чудо-юд(о) > чудо-юд=ов(а, о, у)*. О незавершенности процесса универбации говорит форма *чуда-юда*.

гриб-птица, гриб-птицу, лебедь-птица, лебедь-птицу, моголь-птица, моголь-птицу, налим-рыба, налим-рыбе, сом-рыба, сом-рыбе.

Пределом аномальности и своего рода лингвистической загадкой представляется номинация *рыба-сом, рыбу-сом, рыбы-сом* со склоняемой первой частью и несклоняемой второй. До сих пор информации о несклоняемости слова *сом* в текстах на русском языке нам не встречалось.

Чтобы разобраться в причинах этой аномалии обратимся к контексту его употребления: *«Тогда мелкая и крупная рыба собрались во один круг и стали выбирать себе судью праведную, **рыбу-сом с большим усом**: «Будь ты, – говорят, – нашим судьей».*

Контекст показывает, что *рыба-сом* является частью рифмованной номинации *рыба-сѡм с большим усѡм*, которую для обозначения её границ следовало бы писать через дефис: *рыба-сѡм-с-большим-усѡм*. Рифма *сом-усом* требует неизменности слова *сом*, иначе рифма будет разрушена, но субстантивная номинация должна всё-таки как-то склоняться, и эту функцию берёт на себя не привязанное к рифме слово *рыба* (*рыбу, рыбы* и т.д.).

Этому объяснению, на первый взгляд противоречат случаи *«Щука/Сорога-рыба, не дошедчи **рыбы-сом**, кланялась»*: ведь тут рифмы нет, а слово *сом* всё равно не склоняется. Но в том-то и дело, что сам факт неизменности слова *сом* указывает на подразумеваемую рифму, не повторяемую лишь потому, что она была реализована в предыдущем предложении и ещё не забыта (на этом можно сэкономить). Ср. повторяющиеся практически без изменений формулы призыва рыб и их прибытия к сому: *«Сорога-рыба! Зовет тебя **рыба-сом с большим усом** пред свое величество». Сорога-рыба, не дошедчи **рыбы-сом**, кланялась». «Окунь-рыба! Зовет тебя **рыба-сом с большим усом** пред свое величество». «Щука-рыба! Зовет **рыба-сом с большим усом** пред свое величество». Щука-рыба, не дошедчи **рыбы-сом**, кланялась: «Здравствуй, ваше величество!» «Налим-рыба! Зовет тебя **рыба-сом с большим усом** пред свое величество». «И думали думу заедино щука ярославска, другая переславска, **рыба-сом с большим усом**: Кого послать ерша позвать?» «Придумала **рыба-сом с большим усом**: Послать или нет за еришом гарьюса»;*

В таком случае во всём источнике остаётся единственный контекст с необъяснимой неизменяемостью слова *сом*: *«Петр-осетр праведный послал за еришом **большую рыбу-сом**. Сом в озеро нырнул, хвостом плеснул, ерша в коргах нашел»*. Но тут надо обратить внимание на прилагательное: *большую рыбу-сом*. Похоже, прилагательное *большой*, оторвавшись от рифмы *с усом*, присоединилось к *рыбе*, т.е. *рыба-сом-*

с-большим-усом трансформировалась в *большую-рыбу-сом* с утраченным усом.

Таким образом, и в тексте сказок слово *сом* не утратило способности склоняться, о чём говорят контексты, свободные от рифмы: «*Ерш-то сому зять: сумел его сом в руки взять и самолично привел на суд праведный*». «*Да достанется и сому толстобрюхому: ишь, говорить не умеет, губы толсты, а знал, как челобитную подавать!*».

Разобравшись с флексиями, перейдём к аффиксам.

Если в однокорневых составных номинациях аффиксы различали части, то в разнокорневых номинациях аффиксы выполняют прямо противоположную функцию уподобления и указываются только в том случае, если они совпадают.

Таблица 2. Распределение по частоте моделей асимметричных двучленных номинаций с различной корневой частью

№	Модель	Номинаций
1	X-Y	847
2	pX-pY	72
3	pXpf-pYpf	19
4	Xs-Ys	17
5	pXs-pYs	9
6	Xpf-Ypf	3
7	rX-rY	2
8	Xr-Yr	1

p – преформант, *s* – суффикс, *pf* – постфикс, *r* – радикас (дополнительный корень).

Модель 1 представлена номинациями типа *будить-целовать, давай-примай, искать-вызывать, окунь-рассыльный, окуню-приставу, огня-вздувай, трубу-закрывай, крошечка-хаврошечка, чуфиль-филюшка, волчику-братуку, государыня-матушка, государь-отец, девочка-внучка* и т.п.

Модель 2 представлена номинациями типа *безногий-безрукый, взад-вперед, выглядел-высмотрел, вымой-выпари, завопили-закричали, завыла-заплакала, запела-заплясала, засвистали-захлопали, засвистали-зашумели, зашумел-засвистал, изрубили-искрошили, наварил-настряпал, накормил-напоил, напекли-наварили* и т.п.

Модель 3 представлена номинациями *взволновалось-вскольхалось, задумался-закручинился, залялась-забожилась, закручинился-запечалился, закутилось-замутилось, запечалился-закручинился, наелся-напился, наклевались-наелись, напилась-наелась, обвертелся-обвязался, отпирался-отворялся, помылись-попарились, призадумался-пригорюнился, промотался-прогулялся, проснись-пробудись, разболелась-расхворалась, разорется-раскричится, расхворалась-разболелась.*

Модель 4 представлена номинациями *батюшко-морозушко, гаркнула-свистнула, голубчик-куманек, дунула-плюнула, еришишко-кропачишко, еришишко-пагубнишко, жучок-старичок, зеленехонек-молодохонек, квашини́к-богатырек, куманек-голубок, кумушка-голубушка, курлинской-мурлинской, мрасище-козлице, Сонька-богатырка, Соньке-богатырке, тяпыш-ляпыш, шлепанцы-хлопанцы.*

Модель 5 представлена номинациями *безданно-беспошлинно, накладено-наставлено, нежданно-негаданно, незваные-непрошенные, нечаянно-негаданно, попрыгивает-поскакивает, придумывают-пригадывают, уговаривала-умоляла, укачать-убаюкать.*

Модель 6 (Xpf-Ypf) представлена номинациями *кули-мули, призадумался-раскручинился, тяп-ляп.*

Модель 7 (rX-rY) представлена номинациями *прямохожая-прямоезжая, прямохожую-прямоезжую.*

Модель 8 (Xr-Yr) представлена виртуозной номинацией *чудодей-чародей, приравнивающей чары к чуду.*

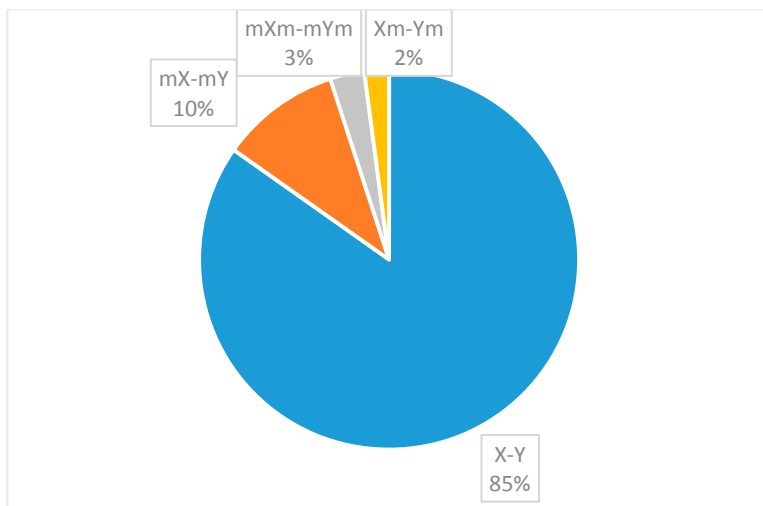

Рис. 8. Распределение разнокорневых двучленных номинаций по типу морфемного оформления.

Как видно из Рис.8, модель X-Y преобладает. Соотношение не оформленных номинаций типа X-Y, оформленных одинаковыми морфемами спереди – mX-mY, сзади – Xm-Ym и вокруг – mXm-mYm представлено на Рис. 8.

Рассмотрев форму разнокорневых номинаций, обратимся к анализу семантических отношений их частей.

Сначала объясним условные обозначения, используемые для описания этих отношений.

Табл. 3. Условные обозначения, используемые для описания семантических отношений между частями двучленных разнокорневых номинаций.

УслОбозн	Значение	Част
(x)	семантика первого члена номинации, синоним (языковой или контекстуальный)	340
(x-)	антоним	2
(ойк)	ойконим – город	5
(y)	у глаголов: действие одновременное действию (x) или следующее за ним	9
(аф)	артефакт – предмет, сделанный людьми для людей	33

(в)	вид	188
(возр)	возраст – название человека по возрасту (и полу).	49
(гидр)	гидроним – река	8
(действ)	действие	18
(икр)	имя крёстного родства	4
(имп)	у глаголов: императив – повелительное наклонение	6
(имя)	имя собственное	169
(ир)	имя родства (по крови)	81
(мер)	меризм – обозначение части чего-либо	1
(нф)	натурфакт – явление природы	3
(опр)	определение другой части	129
(побужд)	побуждение к действию, называемому второй частью	1
(призн)	признак	72
(прич)	причина	8
(прозв)	прозвище	131
(р)	род	77
(ри)	родовое имя, т.е. имя родителя	8
(следств)	следствие	8
(соцроль)	социальная роль	155
(тсв)	термин свойства (родства по браку)	12
(цель)	цель действия	17
(э)	эквоним – слово, имеющее тот же гипероним (родовое значение), что и другое слово составной номинации	398
(этнон)	этноним – имя этноса	8

А теперь рассмотрим типы семантических отношений между членами разнокорневых номинаций в порядке убывания их частотности.

Соответствующая информация представлена в Табл. 4.

Таблица 4. Модели семантических отношений между членами разнокорневых номинаций в порядке убывания их частоты.

№	Семант. модель	Частота
1	(э)-(э)	199
2	(х)-(х)	161
3	(имя)-(соцроль)	91
4	(имя)-(прозв)	44
5	(в)-(прозв)	36
6	(в)-(р)	34
7	(аф)-(опр)	33
8	(р)-(в)	32
9	(ир)-(опр)	26
10	(соцроль)-(опр)	23
11	(в)-(призн)	21
12	(возр)-(призн)	20
13	(прозв)-(в)	16
14	(действ)-(цель)	15
15	(в)-(ир)	12
16	(ир)-(соцроль)	12
17	(в)-(опр)	10
18	(х)-(у)	8
19	(возр)-(опр)	8
20	(имя)-(в)	8
21	(имя)-(гидр)	8
22	(призн)-(р)	8
23	(прозв)-(возр)	8
24	(ри)-(опр)	8
25	(прозв)-(соцроль)	6
26	(тсв)-(опр)	6
27	(х)-(ир)	5

№	Семант. модель	Частота
28	(имя)-(ойк)	5
29	(ир)-(в)	5
30	(соцроль)-(призн)	5
31	(соцроль)-(прозв)	5
32	(имп)-(ир)	4
33	(опр)-(возр)	4
34	(призн)-(в)	4
35	(прич)-(следств)	4
36	(прозв)-(ир)	4
37	(следств)-(прич)	4
38	(соцроль)-(ир)	4
39	(возр)-(прозв)	3
40	(имя)-(опр)	3
41	(имя)-(р)	3
42	(ир)-(призн)	3
43	(опр)-(в)	3
44	(призн)-(призн)	3
45	(призн)-(этнон)	3
46	(прозв)-(имя)	3
47	(х)-(х-)	2
48	(х)-(прозв)	2
49	(в)-(соцроль)	2
50	(возр)-(соцроль)	2
51	(возр)-(тсв)	2
52	(икр)-(прозв)	2
53	(имя)-(ир)	2
54	(ир)-(имп)	2

№	Семант. модель	Частота
55	(опр)-(этнон)	2
56	(цель)-(действ)	2
57	(х)-(опр)	1
58	(в)-(возр)	1
59	(икр)-(в)	1
60	(имя)-(нф)	1
61	(имя)-(призн)	1
62	(ир)-(нф)	1
63	(ир)-(тсв)	1
64	(мер)-(в)	1
65	(нф)-(опр)	1

№	Семант. модель	Частота
66	(опр)-(у)	1
67	(побужд)- (действ)	1
68	(призн)-(соцроль)	1
69	(прозв)-(икр)	1
70	(соцроль)-(возр)	1
71	(соцроль)-(тсв)	1
72	(соцроль)-(этнон)	1
73	(тсв)-(в)	1
74	(тсв)-(соцроль)	1
75	(этнон)-(в)	1
76	(этнон)-(прозв)	1

В наглядном виде распределение семантических моделей в тексте-источнике представлено на Рис. 9.

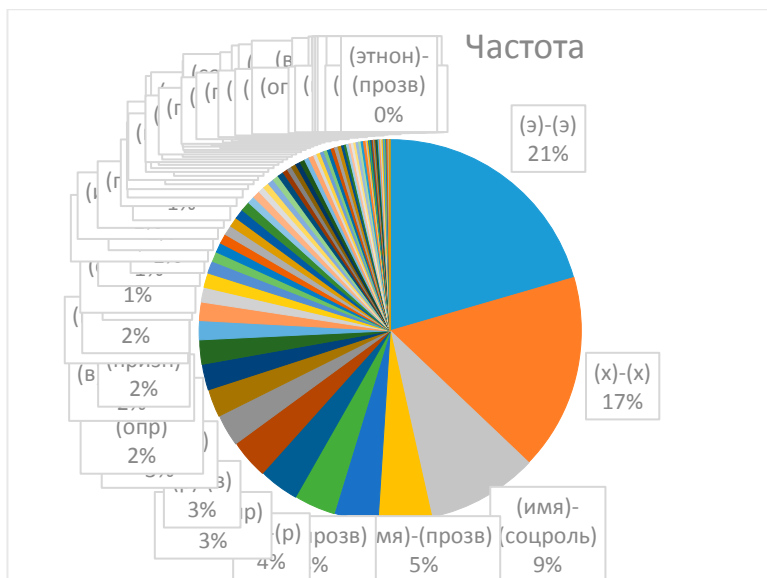

Рис.9. Распределение семантических моделей разнокорневых номинаций в порядке убывания их встречаемости в тексте-источнике.

Как следует из Рис.9, наиболее распространёнными моделями семантических отношений между частями асимметричных разнокорневых номинаций являются (э) – 21% и (х)-(х) – 17%.

Логика изложения побуждает нас начать с модели (х)-(х), представленной номинациями с формально асимметричными, но семантически вполне симметричными частями: *авось-либо, беду-горе, беды-напасти, безданно-беспоишлинно, бей-колоти, бились-дрались, близнецов-однобрюшников, бой-драка, бывали-живали, были-жили, был-пропадал, вглядывались-присматривались, взволновалось-всколыхалось, взялись-принялись, воры-разбойники, встань-пробудись, выглядел-высмотрел, глупые-неразумные, горя-печали, государь-батюшка, доконали-замучили, думали-гадали, душишь-давить, живал-бывал, жили-были, житье-бытье, завопили-закричали, завыла-заплакала, заляглась-забожилось, закричал-завопил, закричали-заругались, закручинился-запечалился, закутился-замутилось, запечалился-закручинился, звать-собирать, здоров-невредим, зеленехонек-молодохонек, избилась-исколотилась, изрубили-искрошили, изрыла-перепортила, катается-валяется, красть-воровать, кричит-ревет, кручинен-невесел, мамки-няньки, миловала-целовала, молить-просить, молодец-удалец, молодо-зелено, мудёр-хитёр, мчали-скакали, наклевались-наелись, неожиданно-негаданно, незваные-непрошенные, нечаянно-негаданно, няньки-мамки, няньки-маньки, нянюшки-мамушки, обертелся-обязался, облака-тучи, обтерла-обчистила, огонь-пламя, отпирались-отворялись, плоть-мясо, погулять-побеседовать, погулять-покататься, подобру-поздорову, подхватил-унес, поест-покушать, поплакал-погоревал, попрыгивает-поскакивает, пора-время, пору-времечко, посмотрел-поглядел, потрудились-поработала, потужил-погоревал, правда-истина, придумывают-пригадывают, прижег-припалил, призадумался-пригорюнился, призадумался-раскручинился, промотался-прогулялся, проснись-пробудись, пуглив-боязлив, путь-дорогу, путь-дороженьку, путь-дорожку, радость-веселие, разболелась-расхворалась, разорется-раскричится, раскручинился-пригорюнился, расспросила-развела, расхворалась-разболелась, рвать-кусать, ребят-недоростков, ругать-поносить, сдумали-сгадали, сивого-сивогривого, силача-великана, силы-мочи, скучно-печально, слепому-невидущему, смотреть-глядеть, собрал-снарядил, спать-почивать, старца-попа, строго-накрепко, суда-расправы, судили-рядили, суженый-ряженный, супротивником-поединчиком, топи-болота, торговал-продавал, тоске-печали, тоскою-кручиною, травки-муравки, уговаривала-умоляла, угостила-употчевала, укачать-убаюкать, упростили-уговорили, хватать-побивать, хитёр-мудёр, хо-*

лост-неженат, хороша-пригожа, царил-властвовал, царства-государства, царь-государь, цел-невредим, чудодей-чародей, чудодиковинку, шлепанцы-хлопанцы и т.п.

Кроме модели (x)-(x) можно выделить и её разновидность – подмодель (x)-(x⁺) с маркированным вторым членом: *пора-время* (x)-(x) и *пору-времечко* (x)-(x⁺) с диминутивом во второй части. Аналогично: *путь-дорогу* (x)-(x) и *путь-дорожку* (x)-(x⁺), *путь-дороженьку* (x)-(x⁺). Нетрудно заметить, что семантические отношения между членами составной номинации воспроизводят их формальные отношения²¹. Весьма красноречиво об этом свидетельствует пара *няньки-мамки* и *няньки-маньки*. Во второй номинации *маньки* представляют собой контаминацию *ма*(мок) и (ня)*нек*. В этом случае мы наблюдаем обратное движение маятника: вначале от тождества формы к тождеству содержания, а теперь – от тождества содержания к тождеству формы. Точнее можно было бы в духе Гегеля сказать, что исходное состояние номинации характеризуется недифференцированным тождеством формы и содержания: *спи-спи, рано-рано, злая-злая* описывается моделью X(x)-X(x). На втором этапе форма и содержание дифференцируются: в *няньки-мамки* X(x)-Y(x) различные формы имеют тождественное содержание²². На третьем этапе, представленном номинацией *няньки-маньки*, наблюдается движение к тождеству формы (хотя и не находящее завершения и ограничивающееся рифмой, но охватывающей практически всю лексику за исключением первого звука) – при этом содержание отходит на второй план (конечно, все *няньки* могут зваться *Маньками*, и в таком случае кореферентная синонимия сохраняется). Именно в этом самоценном движении к тождеству формы и проявляется поэтическая функция языка. Об этой функции, на наш взгляд, говорит и номинация *травка-муравка*, которую можно было бы описать и микромоделью p_1X-p_2X при $X=ра́вка$, $p_1=t$, $p_2=му$. При этом слово *мурава-муравка-муравушка* синонимично слову *травка-травка-травушка*: «нар.-разг. Молодая, сочная зелёная трава» [БТС 2010], т.е. перед нами отношение (x)-(x⁺).

Тождество семантики делает теоретически возможным и практически реализуемым изменение последовательности членов номинации: *бывали-жили*, *были-жили* наряду с *жили-бывали*, *жили-были*, *завопил-закричал* наряду с *закричал-завопил*, *закручинился-запечалился*

²¹ Как тут не вспомнить старую, но не стареющую истину: "... *Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в голову и переработанное в ней*". (Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23, С.21)!

²² **Мамка** «2. Устар. Нянька, кормилица» [БТС 2010].

наряду с *запечалился-закручинился*, *мамки-няньки* наряду с *няньки-мамки*, *мудёр-хитёр* наряду с *хитёр-мудёр*, *разболелась-расхворалась* наряду с *расхворалась-разболелась*, *молодо-зелено* наряду с *зеленёхонек-молодёхонек*, *смотреть-глядеть* наряду с *выглядеть-высмотреть*.

Однако не всё так просто. Почему, например, не имеют инверсных вариантов номинации *бей-колоти*, *близнецы-однобрюшники*, *бой-драка* и многие другие? Анализ положительно и отрицательного материала показывает, что инверсия частей номинации возможна только при условии её ритмической симметричности. Ритмическая асимметрия делает номинацию инверсно необратимой.

Список номинаций, построенных по модели $X(x)-Y(x)$, позволяет восстанавливать фольклорные синонимические ряды. Например, номинации *беды-напаст* и *горя-печали* объединяются номинацией *беда-горе* в синонимический ряд *беда-напасть-горе-печаль*, а номинации *бей-колоти*, *бились-дрались*, *бой-драка* позволяют реконструировать ряд *бить-колотить-драть*. Номинации же *нежданно-негаданно*, *нечаянно-негаданно* свидетельствуют о реальности синонимического ряда *нежданно-негаданно-нечаянно* (и, соответственно, *ждать-гадать-чаять*). Три составных номинации *призادумался-пригорюнился*, *призadумался-раскручинился*, *раскручинился-пригорюнился* представляют синонимический ряд *призadуматься-пригорюниться-раскручиниться*, а две номинации *тоска-печаль*, *тоска-кручина* говорят о наличии трёхчленного синонимического ряда *тоска-печаль-кручина*. Наконец, номинации *уговаривать-умолять*, *упросить-уговорить* позволяют реконструировать синонимический ряд *уговаривать-умолять-упрашивать*.

Теперь мы можем перейти к самой многочисленной семантической модели $X(\text{э})-Y(\text{э})$, представленной номинациями *безногий-безрукий*, *бить-колотить*, *бренчит-выговаривает*, *верой-правдой*, *взвилась-полетела*, *вино-пиво*, *вину-хлебу*, *встречного-поперечного*, *вымой-выпари*, *высоко-далеко*, *гаркнула-свистнула*, *голыши-горемыки*, *города-села*, *груши-яблоки*, *гуси-лебеди*, *дани-окупу*, *два-три*, *денек-другой*, *день-другой*, *друг-сестрица*, *дунула-плюнула*, *ели-пили*, *живы-здоровы*, *задумался-закручинился*, *закусил-выпил*, *запела-заплясала*, *засвистали-захлопали*, *злато-серебро*, *какой-такой*, *конца-дна*, *кормить-поить*, *крик-гам*, *крикнул-свистнул*, *купца-хозяина*, *кутил-мутил*, *любодорого*, *мед-вино*, *мед-пиво*, *межи-борозды*, *месяц-другой*, *меч-палицу*, *мир-народ*, *млад-светел*, *море-океане*, *мхами-болотами*, *мыл-убирал*, *наелся-напился*, *накладено-наставлено*, *накормить-напоить*, *напекли-наварили*, *напились-наелись*, *наплевал-нахаркал*, *напоить-накормить*, *направо-налево*, *народу-силы*, *нынче-завтра*, *обнимались-целовались*,

обниманье-целованье, обнимать-целовать, обувался-одевался, обули-одели, одевать-обувать, одно-другое, океан-море, океан-морю, отщипал-исхудал, отца-матери, пиво-вино, пиво-мед, пивца-винца, пили-ели, пир-веселье, пить-гулять, пить-есть, плотники-работники, пни-колоды, побью-вырублю, повалить-вырубить, погулял-походил, поднялась-полетела, поднялись-повеяли, поесть-попить, поехать-погулять, поить-кормить, поля-луга, помылись-попарились, попить-погулять, попить-поесть, попить-покушать, попоить-покормить, попрывгал-поскакал, порубил-повыжег, поскакал-полетел, посмотреть-посудить, потужили-поплакали, потужил-поплакал, похудела-захирела, присмирел-покорился, продавай-покупай, простился-благословился, прямохожая-прямоезжая, птиц-зверей, пыли-копоти, пьют-гуляют, пятое-десятое, развел-замесил, раз-два, раз-другой, разок-другой, рать-сила, реки-озера, речь-ответ, родились-воспитались, роду-племени, садовники-огородники, свистнул-гайкнул, свистнул-гаркнул, сжать-смолотить, сила-армия, сила-рать, силы-войска, сотню-другую, серебром-золотом, стрелец-боец, стучит-гремит, такой-сякой, так-сяк, там-сям, те-другие, товарищей-ребят, того-другого, того-сего, то-другое, тоску-печаль, три-четыре, туда-сюда, ужи-змеи, утки-гуси, хлеб-соль, цари-короли, цветы-деревья, целовать-обнимать, час-другой, часок-другой, шаг-другой, щипать-теревить и их вариантами.

Рассмотрим эталонные номинации этого типа: *гуси-лебеди, груши-яблоки, меч-палица, хлеб-соль, реки-озера, птиц-зверей, мед-пиво, море-океан, роду-племени, цари-короли, безногий-безрукий, вино-пиво, вину-хлебу, злато-серебро, города-села, поля-луга, садовники-огородники, ужи-змеи, утки-гуси, цветы-деревья, конца-дна, крик-гам, меж-борозды, пыли-копоти* и т.п.

Современному сознанию эти номинации представляются парадоксальными и алогичными²³: *«Гуси-лебеди летели, в чисто поле залете-*

²³ «Складывавшиеся при этом вербальные сочетания, не соответствовавшие общезыковым синтагматическим нормам, традиционно именовались в фольклористике *алогизмами*. И лишь в конце XX в., после того как были выявлены научные основы этой «алогичности», А.Т.Хроленко использовал для их обозначения термин *квазиалогизмы*, более соответствующий их онтологической природе» [Артеменко 2006]. «Думается, что причины необычных сочетаний следует искать не в внелогичных основах фольклорной поэтики, а в свойствах устно-поэтического слова, которые, к сожалению, до конца ещё не раскрыты. И вот эти-то «алогизмы», точнее, «квазиалогизмы», «неканонические сочетания», собранные, систематизированные, и должны помочь приот-

ли, в поле банюшку доспели». Так что за птицы летели: гуси или лебеди? Ведь не о гибриде же этих видов идёт речь! Аналогично: «...со всех сторон сбежались садовники-огородники и насадили зеленый сад, в саду птицы певчие распевают, на деревьях цветы расцветают, **груши-яблоки** спелые висят». Что же висит на деревьях: груши или яблоки?

Не менее выразителен пример: «На себя накладывал все доспехи военные: латы железные, щит булатный, копье долгомерное, **меч-палицу** боевую и саблю вострую...». Так всё же: меч или палицу? А если меч, то зачем к нему ещё и саблю? Если же палицу, то почему меч-палицу, а не просто палицу? Далее: «Сейчас повела орлова сестрица охотника в подвалы глубокие в тех подвалах казна великая: от камня самоцветного аж глазам больно, про **злато-серебро** и говорить нечего!». Что же было в подвале: злато или серебро? «Свадьба была веселая, и я там был, **мед-пиво** пил, по усам текло, в рот не попал». Что же именно пило: мед или пиво? «Ну, сестра, живи, хозяйничай, бери — не жалеи все, что надобно; а я стану на охоту ходить, **птиц-зверей** бить». И всё же: птиц или зверей? «Его конь възъяряется, от сырой земли подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего; скакал с горы на гору, **реки-озера** промеж ног пропускал, зыбучие болота хвостом устилал...». Что же конь «промеж ног пропускал»: реки или озёра?

На первый взгляд может показаться, что это *реки и озёра, птицы и звери, мед и пиво, злато и серебро, груши и яблоки, гуси и лебеди*. Но почему тогда не употребляется союз *и*? Ведь его древность восходит к праиндоевропейскому языку [Фасмер 2004, т.2:112; ЭССЯ, вып.8:167].

Наш ответ на вопрос о происхождении *квазилогических* (воспользуемся термином А.Т.Хроленко) составных номинаций таков. Эти номинации возникли в тот период развития человеческого общества и языка, когда потребность в общих понятиях уже возникла, а специализированных средств для их передачи ещё не существовало. Судя по всему, эта ситуация сложилась на ранних этапах перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу. Назначение составных номинаций модели X(э)-Y(э) – удовлетворить вновь возникшую потребность людей в обозначении общих понятий. Для этого была най-

крыть завесу над сложной нервной системой народно-песенного слова» [Хроленко 1992: 25]. «Необычные сочетания слов («квазиалогизмы») — своеобразное обнажение нервных узлов фольклорной семантики...» [Хроленко 1992: 26].

дена специальная техника: поскольку гиперонимов – слов с общим (родовым) понятием ещё не существовало, эти понятия передавались сочетанием эквонимов – слов, обозначающих два видовых понятия, принадлежащих одному роду. Тем самым родовая сема оказывалась выраженной дважды и усиленной. По существу, тут мы имеем дело с семантическим эквивалентом частичной редупликации или *частичной семантической редупликацией*. Если модель $X(x)-Y(x)$ является собой семантический аналог полной редупликации или *полную семантическую редупликацию*, то модель $X(\varepsilon)-Y(\varepsilon)$ является семантическим аналогом частичной редупликации или *частичной семантической редупликацией*.

В интерпретации этой ситуации полезным оказывается наблюдение В.Т.Титова: «Все системные составляющие парадигматики коренятся в синонимическом ряде и производны от него. Главной оппозицией синонимического ряда является оппозиция доминанта синонимического ряда и остальных её членов. Доминанта тем и отличается от остальных членов синонимического ряда, что содержит только интегральную сему и не содержит дифференциальных. Иными словами, доминанта синонимического ряда является немаркированным членом привативной оппозиции по отношению к любому из остальных членов синонимического ряда. Именно такую оппозицию и образует *гипероним* по отношению к любому из *гипонимов*. Напротив, отношения недоминантных членов синонимического ряда составляют эквиолентную оппозицию. Такую же оппозицию составляют *эквонимы* (в иной терминологии – *согипонимы* или *когипонимы*) и *антонимы*. Разница лишь та, что у *синонимов* несовпадающие части могут нейтрализоваться, а у *эквонимов* – не могут. Кроме того, у *синонимов* в норме акцент делается на сходстве, а у *антонимов* – на различии. Интересной комбинацией синонимии и антонимии являются *конверсивы* (в понимании Московской семантической школы [Апресян 1995 (1974)]): будучи по форме антонимами, они способны замещать друг друга, подобно синонимам. Конверсивы также составляют эквиолентную оппозицию. Что касается *комплетивов*, то это пары типа *смотреть-видеть*, *слушать-слышать* и т.п. Они также составляют эквиолентную оппозицию, но – в отличие от конверсивов – не удваивают обозначаемое, а расщепляют его: только вместе они обозначают ситуацию в её тотальности» [Титов 2004:534].

Итак, отношения *эквонимов* составляют эквиолентную оппозицию. Если обозначить интегральную сему как *И*, а дифференциальную сему как *д*, то семантические отношения эквонимов под, так сказать, «лингвистическим микроскопом» будут выглядеть как (*Ид*)-(*Ид*). В

таком случае номинации типа *раным-рано, далеким-далеко, высоким-высоко, давным-давно* и т.п., формальные отношения которых можно описать моделью Xt_1-Xt_2 , при $X=ран/далек/высок/давно$, $t_1=-ым$, а $t_2=-о$, продемонстрируют полную эквивалентность семантических отношений одних составных номинаций формальным отношениям других.

Проиллюстрируем модель $X(Ид_1)-Y(Ид_1)$ анализом конкретных примеров.

Например, *гуси-лебеди* – «дикие крупные перелётные водоплавающие **птицы** с длинной шеей» (ср. *гусь* «Дикая и домашняя крупная водоплавающая птица сем. утиных с длинной шеей» [БТС 2010], *лебедь* – «Водоплавающая перелётная птица сем. утиных, с белым (реже чёрным) оперением, с длинной, красиво изогнутой шеей и плавными движениями» [БТС 2010]).

Груши-яблоки – «крупные сладкие **плоды** фруктового дерева» (ср. *груша* – «Крупный сладкий плод фруктового дерева сем. розоцветных в виде округлого конуса»; *яблоко* – «Крупный сладкий или кислосладкий плод фруктового дерева сем. розоцветных в виде шара»).

Злато-серебро – **драгоценный** металл (*золото* – «**драгоценный** металл желтого цвета», *серебро* – «**драгоценный** металл сероватобелого цвета с блеском»).

Мёд-пиво – хмельной **напиток** (*мёд* – «**хмельной напиток**, приготавливаемый из сладкого сиропообразного густого вещества, вырабатываемого пчёлами из нектара цветков медоносных растений», *пиво* – «**хмельной** пенистый **напиток**, получаемый брожением особых дрожжей в солодовом сусле с добавлением хмеля»).

Реки-озёра – естественные **водоёмы** в углублении суши (*река* – «Незамкнутый естественный **водоём** с течением воды по разработанному ею углублению в суше от истока до устья», *озеро* – «Замкнутый естественный **водоём** в углублении суши» [Ефремова 2006]).

Птицы-звери – **животное** как предмет охоты и продукт питания (*птица* – «Покрытое пухом и перьями позвоночное **животное** с крыльями, двумя ногами и клювом как предмет охоты и продукт питания», *зверь* – «Покрытое шерстью позвоночное **животное** с ушами, четырьмя ногами и хвостом как предмет охоты и продукт питания» [БТС 2010]).

Высоко-далеко – **на большом расстоянии** от кого-, чего-либо (*высоко* – «**На большом расстоянии** от кого-, чего-либо (вверх по вертикали)»; *далеко* – «**На большом расстоянии** от кого-, чего-либо (по горизонтали)»);

Направо-налево – в сторону (налево «В левую сторону», направо «в правую сторону»).

Крикнуть-свистнуть, гаркнуть-свистнуть, засвистать-захлопать – «зашуметь», целовать-обнимать – «миловать», вымыть-выпарить – «сделать чистым (о теле человека)» (*вымыть* – «сделать чистым посредством мытья; *выпарить* – «вымыть в бане с паром, хлеща веником» [БТС 2010], *дунуть-плюнуть – «выпустить изо рта»* (*дунуть* «выпустить изо рта струю воздуха»; *плюнуть* – «выпустить изо рта слюну» [БТС 2010]), *есть-пить – «поглощать»* (*есть* «поглощать пищу»; *пить* «поглощать жидкость»), *запеть-заплясать* «начать **исполнять под музыку что-л.**» (*запеть* – «начать исполнять голосом (обычно под музыку) словесно-музыкальное произведение»; *заплясать* – «начать исполнять под музыку ряд пластических и ритмических движений»); *наклась-наставить* (на стол) – «**разместить где-л. в каком-л. (обычно большом) количестве**» (*наклась* – «разместить где-л. в каком-л. (обычно большом) количестве в лежачем положении»; *наставить* – «разместить где-л. в каком-л. (обычно большом) количестве в стоячем положении»); *напекли-наварили – «каким-л. образом приготовить в каком-л. (обычно большом) количестве что-л. съедобное»* (*напечь* – «выпекая, приготовить в каком-л. (обычно большом) количестве что-л. съедобное», *наварить* – «варя, приготовить в каком-л. (обычно большом) количестве что-л. съедобное».

Обратим внимание на последние дефиниции: с помощью архаичной техники²⁴ создаются, как сейчас модно говорить, «концепты», до сих не получившие иной вербализации в русском языке и выражаемые только посредством этой архаичной, индоевропейской в своих истоках техники.

²⁴ Кстати сказать, эта техника идеально подходит под понятие *бриколажа*, предложенное Клодом Леви-Стросом: "...*бриколер* - это тот, кто творит сам, самостоятельно, **используя подручные средства** в отличие от средств, используемых специалистом. Подобно *бриколажу* в техническом плане, мифологическая рефлексия может достигать в плане интеллектуальном блестящих и непредвиденных результатов. *Бриколер* способен выполнить огромное число разнообразных задач... мир его инструментов замкнут, и правило игры всегда состоит в том, чтобы устраиваться с помощью "**подручных средств**", то есть на каждый момент с ограниченной совокупностью причудливо подобранных инструментов ... и **использованием остатков предшествующих построек и руин**» [Леви-Строс 1999:126].

Номинации типа *три-четыре, нынче-завтра, час-другой, шаг-другой* выражают отношения приблизительности, что находится в полной гармонии с диффузностью фольклорной семантики.

Номинации модели $X(\varepsilon)$ - $Y(\varepsilon)$ также демонстрируют изменение последовательности членов номинации, как и номинации модели $X(x)$ - $Y(x)$. И это понятно: они тоже семантически симметричны, поскольку содержание дифференциальной семы d оказывается несущественным по сравнению с тождеством интегральной семы I . Примеры перестановки членов номинации таковы: *вино-пиво, пиво-вино; ели-пили, пили-ели; золото-серебро, серебром-золотом; мед-пиво, пиво-мед; море-океане, океан-море; наелся-напилился, напились-наелись; накормить-напоить, напоить-накормить; обнимать-целовать, целовать-обнимать; обули-одели, одевать-обувать; поесть-попить, попить-поесть; рать-сила, сила-рать*. Как видим, требование ритмической изоморфности здесь соблюдается менее строго.

Номинация *прямохожая-прямоезжая* представляет модель $rXf(\varepsilon)$ - $rYf(\varepsilon)$ в которой r =прямо, X =хож-, Y =езж-, а f =-ая (флексии обеих частей этой составной номинации в любых падежных формах будут совпадать) при $(\varepsilon) = \text{Ид.}$

Слова, составляющие эту номинацию, имеют разную лексикографическую судьбу: слово *прямоезжий* представлено в словаре Ушакова, Большом и Малом академических словарях: *прямоезжий* «Прямой (о дороге)» [МАС-2], тогда как слово *прямохожий* в академической лексикографии отсутствует и, как следствие, должно считаться находящимся за пределами литературного языка и принадлежащим исключительно диалектам, что и фиксирует «Словарь русских народных говоров», построенный преимущественно по дифференциальному принципу и фиксирующий лишь то, чего нет в словарях русского литературного языка: «**Прямохожий**, ая, ее. *Фольк.* Прямой (о дороге). *Прямохожая дорожка, прямоезжая.* Каргоп. **Олон.**, Рыбников. **Олон.** *Вздумал... проложит тут дорогу прямохожую-прямоезжую.* **Арх.**» [СРНГ, в.33:89]. Конечно же, никаких научных оснований для такой дискриминации слова *прямохожий* нет, и мы имеем дело с чистой случайностью: быть может, слово *прямоезжий* зафиксировано в картотеке академических словарей у трёх авторов и попало в словник, а слово *прямохожий* – только у двух, и в словник не попало. Кроме того, из словарных дефиниций следует, что семантика обоих слов тождественна. Не допустили ли мы ошибку, отнеся их к эквонимом, вместо того, чтобы признать синонимами? В данном случае вряд ли правомерно игнорировать внутреннюю форму слов и не учитывать её в дефиниции.

Сравним толкования других слов на *-хожий* (*захожий, вхожий, невхожий, перехожий, прихожий, мимохожий, похожий, прохожий, непрохожий, схожий, расхожий, всхожий, несхожий, несхожий, отхожий*) и *-езжий* (*заезжий, наезжий, переезжий, приезжий, малоезжий, мимоезжий, дурноезжий, доброезжий, проезжий, непроезжий, объезжий, въезжий, въезжий, съезжий, отъезжий*) [Обратный 1974:214-215]. *Мимохожий* «Устар. Проходящий мимо» [БАС-3, т.10:197], *мимоезжий* «1. Прост. Проезжающий мимо. 2. Проходящий, пролегающий мимо (о дороге)» [БАС-3, т.10:195]. *Малоезжий* «То же, что *малоезженный* (во 2 знач.)», т.е. «Такой, по которому мало ездили; недостаточно наезженный (о пути, дороге)» [БАС-3, т.9:451-452]. *Непроезжий* – «Такой, по которому не ездят или по которому трудно, невозможно проехать. Там в лесочке дорога непроезжая, только сено да дрова возят, и скакать там некому и незачем. Чех. Происшествие.» [БАС-3 т.12:200]. *Непрохожий* – «Прост. То же, что *непроходимый* (в 1 знач.). В дождливые дни земля [на улице] превращалась в грязь, бурое месиво, непрохоее и непроезжее. Гладк. Вольница.» *Непроходимый* – «1. Такой, по которому трудно, невозможно передвигаться» [БАС-3, т.12:208-209]. В данном случае пример из Ф.Гладкова противоречит дефиниции. В нём *непрохожий* означает «такой, по которому невозможно пройти», а *непроезжий* – «такой, по которому невозможно проехать». А метаслово ‘передвигаться’ смазывает это различие. Ср. *Проезжий* «2. Пригодный или предназначенный для езды (о дороге)» [БАС-3, т. 21:33]. *Прохожий* «3. Устар. и прост. Такой, где проходят, где можно пройти; проходной» – *По той тропке никуда не дойти.. место не прохожее.* Б.Маркевич, Марина из Алого Рога. [БАС-3, т. 21:378]. Иными словами, *проезжий* «такой, по которому можно проехать (о дороге)», *прохожий* – «такой, по которому можно пройти (о дороге)»,

Лексикографическая практика показывает, что прилагательные *прямохожий* и *прямоезжий* вполне могут толковаться как «такой, по которому можно *пройти* прямо (о дороге)» и «такой, по которому можно *проехать* прямо (о дороге)», соответственно. В таком случае мы всё же имеем дело с моделью $rXf(\varepsilon)-rYf(\varepsilon)$ при $(\varepsilon)=(Ид)_j$. Интегральная сема этих слов $И$ = «такой, по которому можно передвигаться прямо (о дороге)», а дифференциальные – $д_1$ = «пройти», $д_2$ = «проехать».

Следующая по распространённости модель – X(имя)-Y(соцроль) (91 словоформа): *Анну-царевну, Василий-королевич, Василий-поп, Василий-царевич, Василиса-царевна, Василисе-царевне, Василису-царевну, Василисы-царевны, Василия-царевича, Василье-царевиче, Васильем-царевичем, Василью-царевичу, Василья-царевича, Владимир-князь,*

Владимир-царь, Выслава-царя, Данило-дворянин, Димитрий-царевич, Димитрию-царевичу, Димитрия-царевича, Дмитрий-царевич, Дмитрию-царевичу, Дмитрия-царевича, Елена-царевна, Елену-царевну, Елены-царевны, Змиулана-царя, Иван-королевич, Иван-царевич, Иван-царевича, Иван-царевичу, Иван-царь, Ивана-королевича, Ивана-полковника, Ивана-царевича, Иване-царевиче, Иваном-королевичем, Иваном-царевичем, Ивану-царевичу, Ивану-царю, Иванушке-царю, Лаота-царевна, Лаоту-царевну, Леонтья-попа, Марфа-царевна, Марфе-царевне, Марфида-царевна, Марфиде-царевне, Марфой-царевной, Марфою-царевною, Марфу-царевну, Марфы-царевны, Марье-царевне, Марьей-царевной, Марьей-царевною, Марьи-царевны, Марью-королевну, Марью-царевну, Марья-королевна, Марья-царевна, Милолика-царевна, Милолику-царевну, Настасье-королевне, Настасье-царевне, Настасьей-царевной, Настасью-королевну, Несмеяна-царевна, Несмеяну-царевну, Ольга-царевна, Ольге-царевне, Ольгу-царевну, Павел-царевич, Павла-царевича, Петр-царевич, Петра-царевича, Саура-слуга, Сауру-слугу, Сила-царевич, Силу-царевича, Силы-царевича, Федор-королевич, Федор-царевич, Федора-царевича, Федору-царевичу, Федот-стрелец, Федота-стрельца, Фомка-шут, Фомки-шута.

90% этих номинаций (82 словоформы) указывают на происхождение посредством формантов *-евич/-евна*. Это свидетельствует о преобладании в сказках этиологического принципа, в соответствии с которым суть человека заключена в его происхождении.

Остальные 11 номинаций содержат во второй части словоформы: *дворянин, князь, полковника, поп, попа, слуга, слугу, стрелец, стрельца, царь, царь, царю, царю, царя, царя, шут, шута*. При этом слово *царь* представлено в 6 номинациях, *поп, слуга, стрелец, шут* – в двух, а *дворянин, князь, полковник* – в одной. Таким образом получается, что низы общества представлены 6 словоформами из 93 (*слуга, слугу, стрелец, стрельца, шут, шута*), что составляет немногим более 6%.

Причина этого в том, что героем сказки является человек в его высших (возрастных, физических и социальных) проявлениях. Ср. *муж – «2) муж'и, Мужчина в зрелом возрасте. Наконец я слышу речь не мальчика, но мужа* (Пушкин). Синонимы: ... при вежливом обращении или упоминании: *господин 3)* (мужи) Деятель на каком-л. общественном поприще. *Государственные мужи. Ученый муж*. Этимология: Исконно русское слово общеславянского происхождения (др.-русск. *мужь* 'человек', 'мужчина', 'именитый человек', 'супруг')». Соответственно, уменьшительное производное от слова *муж – мужик* указывает на социальную, а также культурно-нравственную неполно-

ценность человека: «2. Крестьянин. II 1. Невоспитанный, грубый, невежественный человек. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово».

В этом отношении весьма выразительный материал дают германские и славянские языки. В шведском языке слово *karl* означает ‘мужчина’, а *kvinn*a – ‘женщина’. Восходящее к слову *karl* русское слово *король* обозначает мужчину в его высшем (для феодального строя) социальном проявлении, а английское слово *queen* [kwi:n] имеет значение ‘королева (женщина-монарх)’. В семантической истории германских обозначений мужчины и женщины мы видим отражение фольклорного миропонимания: *мужчина* в своём высшем проявлении – *король*, *женщина* в своём высшем проявлении – *королева*. Это подтверждают и переносные значения этих слов: *король* «(3) О том, кто является первым, самым лучшим среди других, кто достиг совершенства в чём-л.» [БТС 2010]; *королева* «(4) чего или какая. Обладательница самых высоких достоинств в чём-л., лучшая среди других» [БТС 2010].

Следующая по употребительности модель – **Х(имя)-У(прозв)** (42 словоформы): *Ванька-вор*, *Ванька-названник*, *Василиса-краса*, *Василисой-красой*, *Василису-красу*, *Горыня-богатырь*, *Иван-богатырь*, *Иван-богатырю*, *Иван-богатыря*, *Иван-бурлак*, *Иван-вор*, *Иван-дурак*, *Иван-дурака*, *Ивана-богатыря*, *Ивана-бурлака*, *Ивана-дурака*, *Иваном-дураком*, *Ивану-богатырю*, *Ивану-бурлаку*, *Ивану-дураку*, *Иванушка-дурак*, *Иванушка-дурачок*, *Иванушки-дурачка*, *Иванушку-дурачка*, *Ивашки-Медведка*, *Ивашко-Медведко*, *Ивашку-Медведка*, *Каныгу-Лыгу*, *Климка-вор*, *Климка-мальчишка*, *Климки-вора*, *Мамая-собаки*, *Незнайко-дурак*, *Незнайку-дурака*, *Незнайку-дураку*, *Семион-вор*, *Семиона-вора*, *Семиону-вору*, *Симеонам-однобрюшникам*, *Симеонов-однобрюшников*, *Сонька-богатырка*, *Соньке-богатырке*, *Тугарин-богатырь*, *Фролка-сидень*.

В одной своей части эти номинации продолжают описанную выше логику, обозначая героев в их высших проявлениях: *Сонька-богатырка*, *Соньке-богатырке*, *Горыня-богатырь*, *Иван-богатырь*, *Тугарин-богатырь*, *Иван-богатырю*, *Ивану-богатырю*, *Иван-богатыря*, *Ивана-богатыря*; *Василиса-краса*, *Василисой-красой*, *Василису-красу*²⁵. Противоположная группа, обозначающая социальные

²⁵ Эта номинация, получаемая использованием традиционного правописания, неполна. Полная номинация – *Василиса-краса золотая коса*, *Василисой-красой золотой косой*, *Василису-красу золотую косу*. В связи с этим хотя бы в академических изданиях сказок следовало бы писать *Василиса-краса-золотая-*

низы, также укладывается в логику волшебной сказки: *Иван-бурлак, Ивана-бурлака, Ивану-бурлаку, Иван-дурак, Иванушка-дурак, Незнайко-дурак, Иван-дурака, Ивана-дурака, Незнайку-дурака, Иваном-дураком, Ивану-дураку, Незнайку-дураку, Иванушки-дурачка, Иванушку-дурачка, Иванушка-дурачок*. Как известно, волшебными свойствами может обладать только кто-то неприметный и непримечательный (например, *конёк-горбунок*, на которого никто никогда не польстится). Поэтому, чем ниже главный герой в начале, тем сильнее эффект его возвышения в конце. *Иван-бурлак* не случайно рифмуется с *Иван-дурак*: «*А ведь мой бурлак, стало быть, совсем дурак; не ест, не пьет, а кажную ночь по целковому несет!*» – он наделен волшебными способностями.

В эту логику вписывается и *мужичок-кулачок (мужичка-кулачка, мужичком-кулачком)*: «Захотели они есть, вот бычок им и говорит: – *Зарежьте меня и съешьте, а косточки мои соберите и ударьте; из них выйдет мужичок-кулачок — сам с ноготок, борода с локоток. Он для вас все сделает*». По В.Я.Проппу, это волшебный помощник, как и *конёк-горбунок*. Волшебным помощником является и *мужик-леший*; он же – *леший-мужик*, проживающий в лесу, ловящий зверей и имеющий трёх дочерей с волшебными предметами. Итак, волшебный помощник всегда намеренно принижен и непримечательный.

Третья группа номинаций этой модели: *Ванька-вор, Иван-вор, Климка-вор, Климки-вора, Семион-вор, Семиона-вора, Семиону-вору* относится к серии бытовых сказок о ловком воре. *Мужичок-простачок* – хотя и не вор, но тоже трикстер (русский вариант *Храброго Портняжки* из «Сказок братьев Гримм»).

коса, таким образом обозначая границы полной номинации (ср. выше номинацию *рыба-сом-с-большим-усом*). Так, например, номинация *Семен малый юныш*, систематически воспроизводимая в сказке, и подобные ей номинации с бездефисным написанием оказались фактически потерянными для нашего исследования. В эпоху новых информационных технологий дефисное написание устойчивых номинаций такого рода (композигов) становится насущной необходимостью. А.Т.Хроленко предлагает компромиссный вариант: «Учитывая особую связь слов внутри народно-песенной строки, следовало бы в энциклопедических целях ввести особый знак – вертикальную прямую между стягивающимися компонентами (например, *на|пята, хлеб|соль*). Употребляемые в фольклорных сборниках дефис или запятая не отражают сути связи компонентов: дефис представляет композит как сложное слово, запятая – как независимое слово» [Хроленко 2010:65]. Это предложение можно дополнить символом «_» и писать *Василиса-краса_золотая_коса*.

Весьма показательно, что если герой волшебных сказок -дурак именуется полным именем – Иван или ласкательным – *Иванушка*, то герой бытовых – *-вор* именуется уменьшительно-уничижительными формами *Ванька* и *Климка*. А *-простачок* – не *муж* и даже не *мужик*, а дважды диминутив – *муж-ич-ок*. И дело здесь не только в рифме.

Следующая в порядке убывания модель – *Х(в)-У(прозв)* (36): *Арысь-поле, блоха-попядуха, еришишко-плутишко, еришишку-плутишку, карась-палач, карась-пятисотский, каша-горюха, кисель-горюн, комар-пискун, муха-горюха, муха-шумиха, мышечка-тютюр'юшечка, мышка-норышка, мышка-стрижка, плотичка-сиротичка, плотичку-сиротичку, птица-говорунья, птицу-говорунью, птицы-говоруньи, собачка-пустолаечка, собачку-пустолаечку, соловей-вещун, Чуда-Юда, Чудо-юда, Чудо-Юдова, чудо-юдову, чудо-юдовы, чуду-юду*. Первая часть этих номинаций называет ж и в о т - н о е , а вторая – рифмованное прозвище, указывающее на отличительный признак: *Арысь-поле, блоха-попядуха, комар-пискун, муха-шумиха, еришишко-плутишко*. Часть таких номинаций ещё и рифмована: *муха-горюха, мышка-норышка, мышка-стрижка, плотичка-сиротичка, Чудо-Юдо*, а ещё одна часть в качестве прозвища содержит ономастопею с редупликацией: *тю-тю-рю-, шеро-шеро-*, оформленную диминутивным суффиксом, как и первая часть номинации: *мышечка-тютюр'юшечка, ящерка-шерошёрочка*. Особняком стоят номинации из текста, в котором мир рыб уподобляется миру людей (*карасть-палач, карась-пятисотский*); тут вторая часть указывает на социальную роль, как в номинациях предыдущей модели, называющих людей.

Головка-мотовка – волшебный предмет, способный слышать и говорить («*Подало ему Лихо **человечью голову** и потчует, а само Лихо слепое*»), а *каша-горюха* и *кисель-горюн* живут в мире рифмованного абсурда:

*«у невестки с золовками
был бой
большой;
на том
на бою
кашу-горюху поранили,
киселя-горюна во полон полонили,
*репу с морковью подкопом взяли,
капусту под меч приклонили.*
*А я на бой не поспел,
на лавочке просидел»* (разбиение на строки моё – А.К.).*

Следующая в порядке убывания числа номинаций модель – (в)-(р) (34 словоформы): *бедняка-крестьянина, богача-подрядчика, Гриб-птица, Гриб-птицу, заплакал-запечалился, засвистали-зашумели, кит-рыба, кит-рыбе, кит-рыбу, киту-рыбе, ковыль-траву, Лебедь-птица, Лебедь-птицу, Моголь-птица, Моголь-птицу, Мянь-гору*²⁶, *наварил-настряпал, налим-рыба, налим-рыбе, окунь-рыба, орел-птица, плакать-горевать, поить-угощать, синеются-виднеются, сокол-птица, сом-рыба, сом-рыбе, сорога-рыба, сорогой-рыбой, сорогу-рыбу, страуса-птицы, целовать-миловать, щука-рыба, щуку-рыбу.*

4/5 этих номинаций составляют существительные и 1/5 – глаголы.

Из субстантивных номинаций *птицы-рыбы* составляют 85% (23 номинации). Если к ним добавить *ковыль-траву* (1) и *Мянь-гору* (1), натурфакты (животные, растения, неживая природа) составят 93% субстантивных номинаций. Две номинации (*бедняка-крестьянина, богача-подрядчика*) обозначают людей. При этом вторые части называют социальные роли человека, а первые – его благосостояние. В фольклоре *богач-крестьянин* такая же невидаль, как и *бедняк-подрядчик*. Во всяком случае, в исследуемом сборнике таких номинаций не встретилось.

Какие же птицы и рыбы представлены в нашем материале? Из птиц – *лебедь, орел, сокол*, экзотический *страус, гриф (Гриб-птица)* и близкая если не тождественная ему *Моголь-птица*²⁷. Из рыб – *кит-рыба, налим-рыба, окунь-рыба, сом-рыба, сорога-рыба, щука-рыба*. В этих номинациях тоже есть загадка: если для невиданного на Руси *кита* и локально ограниченной *сороги* (сорога – «*На севере Европейской части России, Урале, в Сибири: плотва*» [БТС 2010]) дополнение «*рыба*» ещё уместно, то номинации *налим-рыба, окунь-рыба, сом-рыба,*

²⁶ «*Мяньгора* — гора на берегу Онежского озера, являющаяся, по народным поверьям, местом обитания нечистой силы» [СРНГ в.19:86]. Ср. «*Чтоб тебе Мяньгора приснилась!*» Олон. Бран. Восклицание, выражающее гнев, негодование в чей-л. адрес» [Мокиенко 2007].

²⁷ «**Моголь птица.** Грифон. Гриф-птица. Птице-собака. Ногай. Гриб-птица. Сказочный персонаж. В русской сказке она переносит Ивана-царевича к Ненаглядной Красоте. Воображению народа это существо представляется наполовину птицей (голова и крылья у него орлиные), наполовину зверем (туловище и ноги льва). Перья у этого птицевеера заострены, как стрелы; когти и клюв у него – железные. Величиною он – с гору. Гриф-птица носит в наших преданиях разные имена: *Моголь, Ногай, Гриб-птица* (искаженное гриф), но ясно, что этот образ пришел к нам из переводных сказок, изрядно при этом обрусев. Изредка упоминается в сказаниях также *грифон* – могучая птица-собака» [<https://sites.google.com/site/pticybrateevo/home/pticy-mifov/stati/mogol>].

щука-рыба уже сродни художественным открытиям Николая Заболоцкого:

*Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей.
Спит животное Собака,
Дремлет птица Воробей. <...>
Меркнут знаки Зодиака
Над постройками села,
Спит животное Собака,
Дремлет рыба Камбала...
Спит животное Паук...
Спит растение Картошка...*

(«Меркнут знаки Зодиака»).

Примечательно различие в последовательности слов²⁸: *сорога-рыба* и «*рыба Камбала*», совсем как *девочка Маша* или *мальчик Петя*. Написание с заглавной буквы видовых слов (*Собака*, *Воробей*, *Паук*, *Картошка* и *Камбала*) указывает на то, что автор трактует их не как имена нарицательные, а как имена собственные: спит вот эта самая Собака, этот Воробей, вот этот Паук, эти конкретные Картошка и Камбала. А вот фольклорные номинации ведут себя, как синонимы, причём гипероним (род) подобен доминанте синонимического ряда, содержащей одну Интегральную сему (**И**), а гипоним (вид), кроме семы (**И**) имеет ещё и дифференциальную сему (**д**), таким образом, рассмотренные номинации с семиотической точки зрения представляют собой привативную оппозицию с маркированным первым членом: (**Ид**)-(**И**) ≈ (**Х⁺**)-(**Х**). Например, слово *щука* толкуется как «Хищная пресноводная **рыба** отряда лососеобразных». Следовательно, **И**=‘рыба’, **д**= ‘хищная пресноводная отряда лососеобразных’. Воспроизведение родовой семы во второй части вполне эквивалентно воспроизведению родового имени в составных номинациях *Иван-царевич*, *Марья-царевна* и отражает тот же самый тип этиологического мышления – свойственный сказочному и чуждый современному миру.

Аналогичным образом – от частного к общему – устроены и глагольные номинации: *целовать* («Проявлять любовь к кому-л., прикасаясь к нему губами»)-*миловать* («Проявлять любовь к кому-л.»), *поить* (*потчевать* вином)-*угощать* (*потчевать*), *синеться* («**Быть видным** – о чём-л синем»)-*виднеться* («**Быть видным**»), *заплакать* (*Начать проливать слёзы, испытывая озорчение*)-*запечалиться* (*На-*

²⁸ Впрочем, последовательность тут не главное: в нашем материале представлены и номинации *рыба-сом*, *рыба-сельдь*, *птица-орёл*, *птица-сокол*, etc.

чать испытывать огорчение), засвистали (*начать производить резкий, высокий звук движением воздуха сквозь сжатые губы или зубы*)-зашумели (*начать производить разнообразные звуки*), наварил («варя, приготовить кушаний в каком-л. – обычно большом – количестве»)-настряпал («каким-л. образом приготовить кушаний в каком-л. – обычно большом – количестве»). Кроме всего прочего, последовательность «от частного к общему» воспроизводит ход человеческого познания как в онто-, так и филогенезе.

Следующая по употребительности (33 номинации) модель – *(аф)-(опр)*, т.е. «артефакт»-«определение»: *гусельцы-барановы, гусли-самогуды, кнут-самобой, ковер-самолет, корабль-самолет, меч-кладенец, меч-саморуб, палицу-буявицу, плетка-живилка, посошок-перышко, санки-самокатки, сапоги-самоходы, сапоги-скороходы, скатёрть-самобранка, скатёртка-самовёртка, скатёртку-самовёртку, шапка-невидимка, шапка-татарка, шляпа-невидимка* и т.п.

Почти все определения прозрачны и указывают на функцию артефакта.

Из всех имеющихся этимологий слова *кладенец* самой простой и самой правдоподобной представляется возводящая его к глаголу *класть*. Из деривационно подобных ему слов в русском языке можем назвать *варенец* «заквашенное топленое молоко» [Ефремова 2006]. Ср. *вареный* «Изготовленный **кипячением**, варкой», *варить* – «Приготавливать (пищу, питьё) путём **кипячения**». Ср. *варить* (молоко) > *váреный* (молочный продукт) > *варенец* (вареный молочный продукт). *Класть* куда-л. (меч) > *клáденый* куда-л. (меч) > *кладенец* (клáденый куда-л. меч).

У глагола *класть* есть значение ‘помещать куда-л. на хранение, прятать’, о чём свидетельствует и родственное ему и.-е. по происхождению [ЭССЯ в.9:178-179] слово *клад* ‘ценности, спрятанные где-либо’ [Ефремова 2006]. Эта этимология подтверждается способом обретения меча в сказках: «МЕСТО ОБРЕТЕНИЯ. Дáётся в руки лишь такому герою, который может им владеть. Мог быть скрыт в земле, замурован в стене, спрятан под плитой. В одной из былин мать прячет от сына подарок отца под печью и отдаёт лишь тогда, когда выросший ребёнок в силах его поднять (ср. *Тесея*, которому мать указывает камень, под которым его отец, уходя, спрятал меч). Стоит отметить случаи, когда богатырь выкапывает меч-кладенец из могилы, кургана. Такое оружие, принадлежавшее мёртвым, имеет особые силы. Прикоснувшись к миру мёртвых, он приобретал сверхъестественную силу, становясь сам носителем смерти» [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%

D1%87%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D1%86] Ср. там же: «Корень данного эпитета – «клад...» – обычно связывают со словом «класть», то есть с идеей чего-то спрятанного, добытого из клада или погребения».

Таким образом, практически во всех случаях номинации этого типа называют волшебные предметы и употребляются в волшебных сказках. Первое исключение – из раешного описания потешного (вывернутого наизнанку) мира: *шапка-татарка*, где определение указывает не только на форму и тип шапки²⁹, а кроме того, нужно для рифмы, пусть и не строгой:

*«Шáпка-татáрка
поéхала по лáвкам;
бéй в доск'у*

да поминáй Москв'у» (разбиение на строки наше – А.К.).

Второе исключение – из сказки про животных: *гусельцы-барановы*. Их полное и истинное название³⁰ – *гусельцы-барановы-струночки*: «Они [кот да **баран**] *сделали гусельцы-барановы струночки и пошли к лисе выручать петушка*». Магической силой эти гусли не обладают. А струночки у них *барановы*, видимо, потому, что принадлежат музыкальных дел мастеру – *барану* и служат *барану*, играющему на гусях.

Следующая по частоте модель: **(р)-(в)** – 32 словоформы: *клоп-блинник, конь-вихорь, кот-баюн, птица-колпалица, птица-орел, птица-сокол, птичек-воробышков, птичка-малиновка, птичку-перепелочку, рыба-белужина, рыба-сельдь, рыба-семга, рыба-сом; биться-бархатиться, делать-ковать, миловать-целовать, молить-упрашивать, смотреть-любоваться, судить-рядить, ходил-бродил, поглядим-полюбujemy, зашумел-засвистал, настряпал-наварил*.

Эта модель заставляет вспомнить модель **(в)-(р)**, с которой у неё много общего: преобладание существительных над глаголами, преобладание птиц и рыб в существительных, зеркально симметричные отношения первой и второй частей составной номинации.

Из птиц к *лебедю, орлу, соколу* прибавляются *воробыи, малиновка, перепёлка* и рифмованная волшебная *птица-Колпалица*, оказывающая ещё одним именем *Гриб-птицы* и *Моголь-птицы*: «Много имен у славянской волшебной птицы, как и у Гаруды: *Жар-птица, Ворон-Воронович, Ноготь-птица, Маговей-птица, Моголь (Могуль)-птица, Гроха-птица, Птушка-птица, Птица-Полугрица, Птица-Колпалица,*

²⁹ **Татарка**, ж. 17. В загадке: *Шапка-татарка вся в заплатках* (печь-каменка в бане). Борович. **Новг.**, 1848». [СРНГ, в.43:305].

³⁰ В тексте сказки гусли называются только так.

Птица-Хлапатница, Стратим-птица, Стрефил-птица, Сириин-птица и другие. И все они – чудесные помощники героя, способные переносить его, как и Гаруда, на огромные расстояния, давать мудрые советы и выполнять самые трудные поручения» [<http://waking-up.org/religiimira/garuda-povelitel-ptits/>]. Не исключено, что словом-источником для *Колпалитцы* могло оказаться название экзотической³¹ *колпалитцы* – «птицы семейства ибисов с расширенным лопатообразным клювом» [БТС 2010]. Ср. ниже: *девицы-колпалитцы*.

Нельзя пройти мимо сходства номинаций типа **(в)-(р)** и **(р)-(в)**: о паре *сом-рыба* – *рыба-сом* говорилось выше. К ней можно добавить *орёл-птица* и *птица-орёл*, *сокол-птица* и *птица-сокол*, *целовать-миловать* и *миловать-целовать*, *засвистали-зазумели* и *зазумел-засвистал*, *наварил-настряпал* и *настряпал-наварил*. Здесь, как и в случае с эквонимами, ритмическая симметричность номинации не является непременным условием рокировки её частей.

Фактически эти пары свидетельствуют, что в языке сказок гипонимперонимические отношения трактуются подобно синонимическим и эквонимическим.

Как объяснить это явление? Один из частных законов мифологического мышления, следующего из общего закона *сопричастности (партиципации)*, сформулированного Леви-Брюлем [Леви-Брюль 1994:63], состоит в том, что «часть функционально тождественна целому»³² [Кассирер 2000].

Гипероним (например, *дерево*) обозначает множество гипонимов (*берёза, рябина, калина* и т.д.), следовательно, гипероним – целое, гипоним – часть. Из тождества части целому (*берёза = дерево*) следует

³¹ «*Колпалитца* гнездится в Южной Европе, реже в Западной Европе, также в Азии и Северной Африке. В России эта птица встречается на юге в Краснодарском крае, на озере Маныч-Гудило, в низовьях рек Дон, Волга, Терек...» [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%8B%D0%BA%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BF%D0%B8%D1%86%D0%B0].

³² Это же свойство сравнительно недавно было обнаружено во *фракталах*. Одним из важнейших свойств фракталов является *самоподобие*: «Самоподобный объект — **объект**, в точности или приближённо **совпадающий с частью** себя самого (то есть **целое имеет ту же форму, что и одна или более частей**). *Инвариантность* относительно изменения шкалы является одной из форм *самоподобия*, при которой при любом приближении найдётся по крайней мере одна **часть** основной фигуры, **подобная целой** фигуре» [<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%B5>].

тождества любого из гипонимов гиперониму (*рябина = дерево, калина = дерево*), а следовательно, эквонимов – друг другу (*берёза=рябина=калина*). Тождество части целому как часть мифологического мышления («логики мифа»), на наш взгляд, и является причиной той особенности семантики фольклорного слова, которую А.Т. Хроленко назвал *парадигматизмом* [Хроленко 1992; 2010], под которым понимается фактическое тождество видового и родового значений, способность слова функционировать в качестве любого члена определенной лексико-тематической парадигмы. Действительно, если $(\mathbf{в})=(\mathbf{р})$, то и $(\mathbf{р})=(\mathbf{в})$, более того – $(\mathbf{э}=\mathbf{в}_1)=(\mathbf{э}=\mathbf{в}_2)$. Следовательно, нас не должно удивлять то обстоятельство, что в языке сказок гипогиперонимические и эквонимические отношения между словами по своему поведению не отличаются от синонимических, представленных моделью $(\mathbf{x})-(\mathbf{x})$.

Перед нами яркое проявление д и ф ф у з н о с т и семантики фольклорного слова³³ – типичное свойство мифологического типа мышления, лежащего в основе поэтики фольклорных и прежде всего – сказочных текстов. Вследствие диффузности важным оказывается наличие общего сходства (т.е. наличие интегральных сем), и не важным, не существенным – наличие частных различий (дифференциальных сем). Впрочем, применять к диффузной семантике категории семантики дискретной, которой принадлежит компонентный анализ, – анахронизм и нарушение важнейшего принципа системной лингвистики, запрещающей переносить категории одного хронологического состояния системы на другое³⁴. Нас оправдывают два обстоятельства: 1) мы хо-

³³ «Первобытная мысль **диффузивна, синкретична**, неотделима от сферы эмоциональной, аффективной, двигательной, откуда происходят **антропоморфизация природы, универсальная персонификация**, анимизм, метафорическая идентификация объектов природных и культурных. **Универсальное совпадает с конкретно-чувственным**. Вот почему мы находим в мифе **трансформации внешнего вида**: ... люди в образе животных (**тотемизм**), целый космос в виде космического древа или антропоморфного великана. В мифе **отождествляются форма и содержание**, символ и модель, часто не разделяются и **не различаются субъект и объект, знак, вещь и слово, сущность и имя, объект и его атрибуты**, а также **единичное и множественное, пространство и время, происхождение и природа объекта**. Мифологическая концептуализация не лишена логики, *но* она ... действует при помощи медиации и бриколажа (описанных К. Леви-Стросом)» [Мелетинский 2000:24] (выделено мной – А.К.).

³⁴ «Применительно к языку требования системного анализа впервые сформулированы в 1870 году И.А. Бодуэном де Куртенэ: «...наука не должна навя-

тим научиться моделировать составные номинации, представленные в фольклорных текстах, 2) именно подход к этим номинациям как к фактам современного русского языка и позволяет вскрыть их своеобразие.

Следующая в порядке убывания распространённости семантическая модель – **(ир)-(опр)** (26 номинаций): *батюшки-светы, внучки-сиротки, деда-мироода, дедушка-голубчик, дедушка-сатана, дочери-невесты, дочь-приемыш, отец-старик, отца-покойника, отцу-покойнику, сестер-коз, сестра-дурочка, сестра-злодейка, сестра-лиходейка, сестрица-зрадница, сестрицы-голубушки, сестрицы-красавицы, сестру-дурочку, сестру-лиходейку, сестру-меньшуху, сын-злодей, сын-малолеток, сын-подросток, сына-удальца, сыновья-близнецы, тетка-божатка (икр)* – имя крёстного родства.

(Ир) означает имя родства людей по крови: *дед, отец, сын, дочь, внучка, сестра, тетка*. **(Опр)** означает определение, даваемое имени родства: негативное (преимущественно, по злым делам) – *дед-мироод, сестра-дурочка, сестра-злодейка, сестра-лиходейка, сестрица-зрадница, сын-злодей*; позитивное (по внешности, поведению и т.д.) – *сестрицы-красавицы, сын-удалец, сестрицы-голубушки, дедушка-голубчик, батюшки-светы*; по возрасту – *сын-малолеток, сын-подросток, дочь-невеста, отец-старик, сестра-меньшуха*; по семейному статусу – *внучки-сиротки, дочь-приемыш, сыновья-близнецы*; по отношению к миру живых или мёртвых – *отец-покойник*; по отношению к крёстному родству – *тетка-божатка*³⁵. Фактически в этой номинации представлена модель **(ир)-(икр)** – имя крёстного родства.

В номинации *дедушка-сатана* странным представляется сочетание ласковой формы *дедушка* со словом *сатана*, но контекст всё разъясняет: «В тринадцать ночей перебивало у солдата тринадцать **нечистых** в переделке, и всем равно туго пришлось! Ни один в другой раз идти не хочет. «Ну, **внучки**? — говорит им **дедушка-сатана**, — я сам теперь пойду». Пришел **сатана** во дворец и ну с солдатом разговаривать; то-другое, пятое-десятое, стали в карты играть; солдат обыграл его и повел к меньшому брату щелчками угощать». И у нечистых есть родственные отношения: есть *внучки-черти* и есть их *дедушка-*

зывать объекту чуждые ему категории и должна отыскивать в нем только то, что в нем живет, обуславливая его строй и состав»; «крайне неуместно измерять строй языка в известное время категориями какого-нибудь предшествующего или последующего времени» (курсив мой – А.К.) [Бодуэн 1963 т.1:68].

³⁵ **Божатка** 1. Крестная мать. **Волог., 1820. Новг., Сов.-Двин. Аох., Олон., Костром., Ярослав., Пск., Тамб., Перм..**» [СРНГ, в.3:61].

сатана. В данном случае *сатана* – никак не порицание, а уважительная (со стороны *внучков*) констатация.

Неожиданна номинация *сестер-коз* – из сказки про проросшую бобинку: «Дед полез на небо; лез, лез — стоит хатка, стены из блинов, лавки из калачей, печка из творогу, вымазана маслом. Он принялся есть, наелся и лег на печку отдыхать. Приходят двенадцать **сестер-коз**; у одной один глаз, у другой два, у третьей три, и так дальше; у последней двенадцать». Это опять самые настоящие многоглазые небесные козы, состоящие в кровном родстве между собой – совсем как люди. И это не должно удивлять: один из фундаментальных принципов сказочного мироустройства – закон неисключенности третьего [Леви-Брюль 1994; Голосовкер 1987], когда коза одновременно является и человеком: имея внешний облик козы, ведёт себя как человек. Учитывая, свойственный фольклору протеизм³⁶: внешний облик в сказках – величина переменчивая (кто угодно может обратиться кем или даже чем угодно), можно утверждать, что во всех сказках (за исключением бытовых) животные (а нередко – растения и неодушевлённые предметы) в то же самое время являются людьми.

Рассмотрим семантическую модель (**соцроль**)-(опр), представленную 23 номинациями: *генерала-обманищика, кузнеца-мудреца, купцы-молодцы, солдат-пьяница, царевна-краса, царевна-красавица, царевну-красавицу, царь-ворон, царь-горох, царь-девица, царь-девице, царь-девицею, царь-девицу, царь-девицы, царь-змея, царь-лев, царь-медведь, царь-надежа, царь-рак, царь-солнышко, царю-медведю, царя-змея, царя-невольника*.

Вновь мы наблюдаем в первой части номинации преобладание слова *царь* и производного от него родового имени – *царевна*. Кроме этого встречаются два воинских звания – *генерал-обманищик* и *солдат-пьяница*, и два гражданских: *кузнец-мудрец* и *купцы-молодцы*.

Социальные низы представлены всего двумя номинациями: *кузнец-мудрец* и *солдат-пьяница*: «Тут царь и говорит: «Кто разыщет моих дочерей, тому сколько угодно дам денег». Вот и избрались трое: **солдат-пьяница, Фролка-сидень и Ерема**; уговорились с царем и пустились искать царевен». Все трое выполняют задание и получают награду. Причём *Фролка-сидень* по ходу сказки всех многоглавых змеев побеждает сам, зачем нужны солдат и *Ерёма*, не совсем понятно: разве чтобы обеспечить принцип трюичности волшебной сказки. Как и по-

³⁶ От **Протей** – «В греческой мифологии: морское божество, которое обладало даром прорицания и способностью произвольно менять свой вид» [Гуськова 2003].

ложено сказочным героям во главе с *Иванушкой-дурачком*, свои начальные прозвища они не оправдывают: *Фролка* не сидит, а сражается, а солдат не пьянствует, а верно сопровождает *Фролку*. Имя *Фролка* – уменьшительно-уничижительный диминутив полного имени Фрол также способствует его уничтожению, как и положено волшебному герою, выполняющему задание и получающему награду. Прозвище *-сидень* заставляет вспомнить о былинном и сказочном богатыре Илье-Муромце, сидевшем *сиднем* 30 лет и 3 года.

Обманщиком генерал является потому, что выполняет функцию ложного героя волшебной сказки [Пропп 1998], приписывая себе его подвиги: «*А покуда все это сделалось, царь успел с войны воротиться и засватал свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика*».

Номинация кузнец-мудрец подготовлена следующими контекстами: «*Горох, усмехнувшись, встал и пошел на улицу, из палат в кузницу. И там заказал он старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посох железный в пятьсот пуд*».

«*Теперь я тебя!*» – *зашумел Горох, пустил в змея посох и так огорóшил, что змея в куски разорвóл, разметóл, а посох землю пробил, ушел через два в третье царство. Народ шапки вверх побросóл, Ивана царем величóл; но Иван тут, приметя кузнеца-мудреца, в награду, что посох скоро сработóл, старика подзвóл и народу сказóл: «Вот вам головá! Слушайте его, на добро радéя, как прежде на злó слушали вы лютого змéя».*

Мудрость кузнеца состоит в том, что он знает, как «*сковать посох железный в пятьсот пуд*», с помощью которого герой побеждает волшебного антагониста. В фольклоре *старость* и *мудрость* – едва ли не синонимы, что опять-таки отражает реалии первобытно-общинного строя. Кроме того, *кузнец*, имеющий дело с первостихиями – огнём и водой и владеющий секретом обращения с железом, в фольклорном сознании представляется носителем сакрального знания – сродни колдуну, волхву, кудеснику. А сакральное знание – тоже *мудрость*.

Вторая часть номинаций либо положительная: *купицы-молодцы, царевна-краса* (*А царевна-краса называлась Василиса золотая коса*), *царевна-красавица, царь-надежда, царь-солнышко*; либо указывает на возраст и пол: *царь-девица* (что заставляет вспомнить матриархат и амазонок).

Значительная часть номинаций этого типа во второй части называет животных и растения: *царь-ворон, царь-горох, царь-змея, царя-змея, царь-лев, царь-медведь*, что, как отмечалось выше, отражает то древнее состояние человеческого мышления, когда человек не отличал и не вы-

делял себя из природы: на мир природы переносятся категории человеческого социума.

Номинация *царь-невольник* особого интереса не представляет, поскольку указывает на обращение «проклятым королём» плененного им *царя в невольники*.

Номинации, относящиеся к семантической модели **(возр)-(призн)** (23 номинации), таковы: *баба-яга, бабе-яге, бабкою-повитушкою, бабку-бельматку, бабу-ворожейку, бабой-ягой, бабой-ягою, бабою-ягою, бабу-ягу, бабушка-голубушка, бабушка-задворенка, бабушка-кормилица, бабушке-задворенке, бабушки-задворенки, бабушкой-ворожейкой, бабушкой-повитушкою, бабы-яги, старуха-говоруха, старуху-нищу, старичок-пестун, мужик-серячок, мальчик-подкидышек, мальчик-сиротинка*.

Эти номинации интересны прежде всего своей женской составляющей, а в ней – оппозицией *баб(ушк)а:старуха*. Первая обладает магической силой. Вторая нет. Причину этого мы видим в различии «репродуктивный:не репродуктивный» возраст. Кроме того, корень *баб-* указывает на пол, а корень *стар-* указывает на возраст. Предметом поклонения с Костёнковских времён (от 23 до 20 тыс. лет назад) была женщина-продолжательница рода (ср. костёнковских Венер из камня и кости). Именно репродуктивная способность выделяла женщину и порождала веру в её магические силы, тогда как роль мужчин в процессе продолжения рода долгое время оставалась неочевидной, на чём, собственно, и основана матрилинейная система родства.

Показательно, что *старуха-говоруха* – злая мачеха: «*А старуха-говоруха и скучила без падчерицы, в избе у ней стало тихо, на животе тошно, язык пересох*». В свою очередь, *старуха-нища* – антагонист главного героя: «*Тут он ожил, старуху-нищу и сына ее приказал казнить, сам стал по-старому царем*».

Старичок-пестун оказывается царём и отцом Марьи-царевны, тайком от злой жены помогающий обращённой мачехой-Ягишной в гусыню Марье-царевне кормить грудью её сына-младенца. При этом (ещё до рождения сына) Марья-царевна называет старика-отца *дедушкой*: «*Ягишна приказывает: «Режь, старик, коровушку-буренушку».* **Старик** зарезал; *Марья-царевна просит: «Дай, дедушка родимый, хоть гузённую кишочку мне».* Как *царь-отец* стал *дедушкой*, не совсем понятно. Видимо, диффузность семантики фольклорного слова распространяется и на оппозицию *отец-дед* = «прямой кровный предок мужского пола».

Номинации, имеющие в первой части обозначение невзрослого, а следовательно, социально неполноценного человека (*мальчик-*

подкидышек, мальчик-сиротинка), во второй части усиливают его социальную неполноценность указанием на отсутствие родителей (*сиротинка*) и даже рода (*подкидышек*).

Мужичок-серячок оказывается *медведем* из сказки о животных, причём с именем и отчеством: «*Не успели они путем обогреться, глядь — жалует незванный гость мужик-серячок Михайло Иванович. «Пустите, — говорит, — обогреться да отдохнуть; что-то немо- жется».* «Добро жаловать, *мужик-серячок муравейничек!* Откуда, брат, идешь?» «Ходил на *пасаку*, да подрался с мужиками, оттого и хворь прикинулась; иду к *лисе* лечиться». Стали вчетвером темную ночь делить: *медведь* под *стогом*, *мурлыко* на *стогу*, а *козел* с *бараном* у *теплины*».

Семантическая модель **(в)-(призн)** (18 словоформ) объединяет в своей первой части также названия животных: *кот-мурлыко*, *кота-бахаря*, *кота-баюна*, *котишко-мурлышко*, *лягуша-квакуша*, *лягушка-квакушка*, *кошечка-судомочка*, на *коне-летуне*, на *копя-летуна*, *коровушка-буренушка*, *курочка-рябушечка*, *курочка-татарушка*; *лиса-кумушка*, *лисица-девица* и др. При этом вторая часть характеризует животное по функции (*кот* – мурлыкает или *бает* ‘говорит’, *лягушка* – квакает, *кошка* – моет посуду, *конь* – летит) или по окрасу: (*корова* – бурая, *курица* – рябая). Определение *-татарушка* можно истолковать двояко: либо как представителя татарского народа³⁷, либо как онома-топею, оформленную диминутивным суффиксом. Интересно, что диалектологи зафиксировали словосочетание *курочка-татарушка* там, где татар никогда не было – в Архангельской губернии: «**Татарушка**, ж. Курочка-т а т а р у ш к а . Эпитет курицы. **Арх.**, 1863.» [СРНГ в.43:307]. Поскольку название домашней птицы этнонимами едва ли не исчерпывается *индейским* петухом и *индейской* курицей (*индюком* и *индейкой*), сближение ласкового прозвища *курочки* обычно негативно окрашенным в русском фольклоре этнонимом маловероятно. Информации про «татарскую курицу» нет³⁸. Скорее всего, здесь то же, что с *котом-мурлыкой* и *лягушкой-квакушкой*. Только те говорят «*мур*» и «*ква*», а *курочка* к данному случаю говорит, не «*ко-ко*», а «*та-та*». Но к основе на гласный – *тата-* присоединить формант *-ушка* невозможно: возникнет зияние. Следовательно, нужна эпентеза – неслоговой звук,

³⁷ **Татарушки**, мн. Представители татарского народа, татары. *Да тата-рушки* взяли, ему рученьки связали. **Смол.**, 1914.» [СРНГ, в.43:307].

³⁸ Словосочетание «*татарский петушок*». Сузун. **Новосиб.**, 1964» обозначает совсем другую птицу: «Птица Урра ерорс L., сем. удолов; у д о д .» [СРНГ, в.26:335].

который устранит или предотвратит зияние. Ономатопои часто оформляются маркирующим их суффиксом =к: *бекать, мекать* (об овцах и козах), стандартными эпентезами в русском языке являются |j| и |ɕ|, что дало бы **тата́кушка, *тата́юшка* или **тата́вушка*. На выбор в качестве нестандартной эпентезы звука |p| могли повлиять два фактора: наличие |p| в слове *куро́чка* (архаичная техника аллитерации³⁹: |'yра|-'ару|) и паронимическая аттракция слова *татары*. Ономатопоэтическую версию происхождения прозвища – *татарушка* подкрепляет диалектный глагол *татакать* – «2. Издавать характерные звуки (о курице). **Калин.**, 1940. Маслян. **Яросл. Снесла яйцо [курица]** – гогочет: га-га-га, сядет – **татакает: та-та-та. Ср. Прииртыше. Курица с яйцом татакает:** ко-ко-ко..., когда снесется – кудахчет. Аннин. **Ворон.**» [СРНГ, в.43:302]. В другом варианте той же сказки про разбитое яичко *куро́чка-татарушка* называется *куро́чкой-рябушечкой*.

Модель **(прозв)-(в)** представлена 16 номинациями: *Квашино́к-богатырёк, Дугиня-богатырь, Зорька-богатырь, Буря-богатырь, Дубыня-богатырь, Сосна-богатырь, Змеевич-богатырь, Полкан-богатырь, леший-мужик, простачо́к-мужичо́к, трескун-мороз, мастер-вор,*

Эта модель очень близка к модели **(имя)-(прозв)** с той разницей, что место имени занимают функционально эквивалентное ему прозвище, а «прозвище» в модели **(имя)-(прозв)** фактически равно «виду» в модели **(прозв)-(в)**: во второй части преобладает слово *богатырь*. Показательны реверсивные номинации: *простачо́к-мужичо́к* и *мужичо́к-простачо́к, леший-мужик* и *мужик-леший*. Думается, наличие реверсивных номинаций следует считать показателем эквивалентности частей и общим основанием для объединения номинаций в одну группу, в том числе – и для объединения групп **(имя)-(прозв)** и **(прозв)-(в)**.

В первой части номинаций в качестве мотивирующих преобладают натурфакты: *зорька, буря, дуб, сосна, змей*⁴⁰ и артефакты: *квашня, дуга*.

³⁹«**АЛЛИТЕРАЦИЯ** – древнейший стилистический прием усиления выразительности художественной речи, в особенности стиха, повторами согласных звуков. А. встречается в народной поэзии и в литературе всех народов мира» [Квятковский 1966:18].

⁴⁰ И здесь отметим животное имя родства – *Змеевич*, указывающее одновременно на э т и о л о г и ч н о с т ь (сын, потомок Змея) и п р о т е и ч н о с т ь сказочного мира (у змей те же семейные отношения, что и у людей).

Что касается прозвища *Полкан*, то о нём известно только то, что он богатырь, возглавляющий «силу великую». Очевидно, прозвище *Полкан* от германизма *полк*⁴¹ («Заимств. из др.-герм. **fulkaz*, ср. д.-в.-н. *folk*, англос. *folc* "войско, отряд" [Фасмер 2004]) и здесь означает полководца, военачальника.

Первая часть номинации *мастер-вор* позволяет отличить учителя от ученика – *Климки-вора*: «Думали-гадали, в какое **мастерство** отдать его **учиться**, и придумали отдать **вору** на выучку. <...> жил **Климка у мастера-вора**, да и выучился **воровать** на славу; не ведал только, как у сороки яйца **красть**».

Что касается номинации *трескун-мороз*, то она ближе к группе **(р)-(в)** типа *кот-баюн*, где в одной части называется натурфакт, а в другой – его типичное действие или признак. Различие лишь в порядке следования частей: **(нф)-(функция)** и **(функция)-(нф)**. Поскольку неразличение действия и деятеля является одной из характеристик мифологического мышления, с позиций сказочной поэтики эти модели можно трактовать как синонимичные: **(х)-(х)**.

Следующая модель – **(действие)-(цель)** (15 номинаций) – полностью глагольная: *возьми-владей, ехать-гулять, ложись-почивай, погулять-полюбоваться, приняли-угостили, проси-угощай, расспрашивать-разведывать, сидит-дожидается, смотри-примечай, стоит-дожидается, толкать-будить, удерживать-останавливать, ходит-гуляет, ходят-гуляют, хожу-высматриваю*. Чтобы сгенерировать такие номинации, необходимо во вторую часть поместить глагол, обозначающий цель действия, а в первую – глагол, обозначающий способ достижения цели: *взять, чтобы владеть; ехать, чтобы гулять; лечь, чтобы почивать; погулять, чтобы полюбоваться; принять, чтобы угостить; просить, чтобы угостить; расспрашивать, чтобы разведать; сидеть, чтобы дожидаться; смотреть, чтобы заметить; будить, толкая; останавливать, удерживая; гуляет, ходя; высматривает, ходя*. Но поскольку мифологическое мышление не знает причинно-следственных связей, то в логике сказочного мира обе части этих номинаций можно считать эквивалентными: **(х)-(х)**.

Следующая модель **(в)-(нр)** представлена 12 номинациями: *волчи-ка-братика, волчику-братику, девочка-внучка, журавлем-сыном, кобылушка-матушка, коровушка-матушка, лисичка-сестричка, лисички-сестрички, лисичку-сестричку, ребят-братьев, речка-матушка, яблонь-матушка*. Как видим, в первой части представлены названия натурфактов – животных: *волк, лиса, кобыла, корова*, птиц: *журавль*, де-

⁴¹ Ср. болг. *пѣлк*, сербохорв. *пук* "народ, толпа".

ревьюв: *яблоныя*, неживой природы: *речка*. Об а н и м и з м е сказочно-го мышления в этих номинациях говорят, как встречающиеся в первой части обозначения людей (**возр**): *девочка*, *ребята*, так и представленные во второй части имена родства: *брат*, *сестра*, *сын*, *мать*, *внучка*, нередко – в их позитивно-димиутивных вариантах. Поскольку *лисичка-сестричка*, а *волчик-братик*, приходится констатировать их сказочное родство, чему не противоречат и научные данные: *волк* – «хищное животное сем. псовых» [БТС 2010], *лиса* – «хищное животное сем. псовых, с острой мордой и длинным, пушистым хвостом» [БТМ 2010]. Если в сказках *волчик-братик* и *лисичка-сестричка* – принадлежат одной семье, то в науке – одному семейству.

Следующая семантическая модель составных номинаций – (**нр**)-(**соцр**о**ль**) представлена 12 словоформами: *батюшка-барин*, *батюшка-дохтур*, *батюшки-царя*, *братья-царевичи*, *дочка-королевишна*, *дочь-королевну*, *дочь-царевну*, *матушка-сударыня*, *отцу-королю*, *сын-царевич*, *сына-царевича*, *сыном-полковником*.

Показательно различие между словами *батюшка* и *отец*. Первое используется преимущественно как «почтительно-ласковое обращение к собеседнику» [Ефремова 2006], а второе – как имя родства: «мужчина по отношению к своим детям» [БТС 2010]. Остальные имена родства также употребляются в своих прямых значениях.

Следующая модель (**в**)-(**опр**) менее представительна: *бык-бурище*, *бычок-дристунок*, *бычок-третьячок*, *ведьма-змея*, *волков-бирюков*, *волченёк-голубок*, *волченёк-куманек*, *вошь-поползуха*, *кошечку-судомоечку*, *мечи-кладенцы*. Состав этой группы указывает на то, что в данном случае вряд ли есть основания говорить о самостоятельной модели: эти номинации принадлежат рассмотренной выше модели (**в**)-(**призн**). Здесь также в первой части представлены названия животных за единственным рассмотренным выше исключением – *мечи-кладенцы*. Во второй части животное называется по типичному действию: *дристунок*, *поползуха*, *судомоечка* или признаку: *третьячок* (т.е. трехлетний бык), *бурище* (учитывая, что *коровы* обычно *бурёнки*, *бык-бурище* означает ‘огромный бык бурой масти’), (**икр**) – *куманёк*. Рифмованная номинация *волченёк-голубок* вряд ли обозначает помесь *волка* и *голубя*. Вторая часть этой номинации толкуется как «ласково-фамильярное обращение к мужчине» [БТС 2010]. Отрицательной коннотацией отличается от данной номинации *ведьма-змея*, в толковании которой помогает контекст: «*сперва сел на весы Иван-царевич, а потом и ведьма полезла: только ступила ногой, как Ивана-царевича вверх и подбросило, да с такою силою, что он прямо попал на небо, к Солнцевой сестре в терема; а ведьма-змея осталась на земле*». Первая часть – *ведьма*

имеет толкование: «в народных поверьях: **женщина**, продавшая душу нечистой силе (дьяволу) в обмен на обладание сверхъестественными знаниями и способностями; колдунья» [БТС-2010], а вторая – *змея* «употребляется как порицающее или бранное слово» [Ефремова 2010]. Таким образом, мы обнаруживаем не только переносы человеческих свойств на животных, но и звериных – на людей.

Ещё одной яркой демонстрацией незаурядных креативных возможностей б р и к о л а ж а является исключительно глагольная модель **(х)-(у)**: *бежит-спотыкается, едет-дремлет, играет-выговаривает, идет-шатается, поет-выговаривает, стоит-переворачивается, стоит-поворачивается*. Задолго до появления грамматической категории деепричастия наши предки нашли возможность обозначать два одновременно совершающихся события. На первый взгляд, перед нами к в а з и а л о г и з м ы : *поёт или выговаривает, едет или дремлет, играет или выговаривает, стоит или поворачивается?* На самом деле – это архаичный способ передать значения: ‘бежит, спотыкаясь’, ‘едет, дремля’, ‘играет’⁴², ‘выговаривая’, ‘идёт, шатаясь’, ‘поёт, выговаривая’, ‘стоит, перевёртываясь’, ‘стоит, поворачиваясь’.

Семантическая модель **(возр)-(опр)** представлена номинациями: *девица-красавица, девице-раскрасавице, девицы-колтицы, девицы-красавицы, девка-чернавка, девки-чернавки, девку-чернавку, старички-молодцы*. При этом – *красавица – девица*, а *чернавка*⁴³ – *девка*. *Девицы-колтицы* – одновременно и девицы, вышивающие полотенца узорами, и птицы и царевны одного из царств, а их отец – Ворон Воронович, обладающий крыльями, способный летать и разговаривать с Иваном-царевичем: «*Шел-шел, шел-шел, увидал медное царство; во дворце сидят тридцать три девицы-колтицы, вышивают полотенца хитрыми узорами – городками с пригородками. «Здравствуй, Иван-царевич! – говорит царевна медного царства. Куда идешь, куда путь дер-*

⁴² **Играть** «4. Петь (песни). Тул., Ряз., 1820. *А эти девки стоят, клюют подсолнушки да песни играют под гармонь.. это корогод. Ряз., Моск., Калуж., Орл., Курск., Тамб., Ворон., Саратов., Симб., Казан., Брян., Смол., Куйбыш., Пенз., Рост., Астрах.* «Поют только в церкви, в других случаях играют. Играют и печальные песни». Дон., Миртов, 1929. **Терск.**» [СРНГ, в.12:68].

⁴³ «Служанка в барском доме (обычно выполняющая чёрную [чёрный VII], черновую [черновой II] работу)». **Чёрный VII** «Вспомогательный, подсобный; черновой II (о работе)». **Черновой II** «Вспомогательный, подсобный (о работе)» [Ефремова 2010]. **Чёрный «5** Не требующий высокого мастерства, неквалифицированный, подсобный, чаще физически тяжёлый или грязный (о работе, труде и т.п.)» [БТС 2010].

жишь?» «Иду свою матушку искать». «Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; он хитёр и мудёр, по горам, по долам, по вертепам, по облакам летал!». И здесь действует закон неисклѳченного третьего: *девицы* одновременно являются и *птицами-колтицами*, дочерьями Ворона.

Модель **(имя)-(в)** представлена номинациями: *мизгирь-борец*, *Евстифейка-волк*, *Петр-осе́тр*, *Никанор-богатырь*, *Петр-апостол*. При этом две последние номинации вопросов не вызывают. Номинации *Евстифейка-волк*, *Петр-осе́тр* (полная номинация – *Петр-осе́тр-праведный*) дают человеческие имена зверю и рыбе, в чём вновь проявляется логика мифологического мышления – закон неисклѳченного третьего и закон анимизма: звери и рыбы – те же люди.

Кто такой *мизгирь-борец* хорошо видно из контекста: «*Проявился мизгирь, удалой добрый мо́лодец, стал ножками трясти да мерѳжки плести, ставить на пути, на дорожки, куда летают комары да мошки*». Это паук, а *борец* он потому, что ловит летучих насекомых. Полностью его именуют рифмованной номинацией как *мизги́ря-борца́-добра-молодца́*. И тут у паука есть все атрибуты человека. А поскольку *мизгирь* – имя нарицательное, а не собственное, эта номинация должна интерпретироваться иначе: например, как **(в)-(прозв)**.

Модель **(имя)-(гидр)** представлена названиями рек: *Волга-река*, *Дунай-река*, *Кам-река*, *Трос-река*. Если *Кам-река* может быть рекой *Камой*, то номинация *Трос-река* загадочна. Некоторое созвучие с ней имеет разве что *Тростня* – река, протекающая в Московской области. Правда, это противоречит сказочной географии: «*пошел он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку, из Трос-реки в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Ростовское озеро*»⁴⁴. Общим для *Камы* и двух озёр является их исконно финно-язычный ареал.

Неожиданной является номинация *Дон-мать*: «*Иван Квашинин и семь братьев Белозерцев и вся Дмитрия сила-рать могучая господу богу возмо́лились: Господи Иисусе, истинный Христос, Дон-мать пресвятая богородица!*»). Широко известная из народных песен номинация *Дон-батюшка* заставляет сомневаться в достоверности номина-

⁴⁴ «**Тростня** впадает в *Тростенское озеро* и фактически является истоком реки *Озерны*. **Не́ро (Ростовское о́зеро)** — озеро на юго-западе Ярославской области. **Кубенское о́зеро** — озеро ледникового происхождения ... занимает низменное положение центрального ландшафта Вологодской области, принадлежит к бассейну Северной Двины. Название реки [**Камы**] ... является удмуртским, удм. *кам* значит «река, большая река» [Википедия – электронный ресурс Интернета].

ции *Дон-мать* при несомненности номинации *Мать пресвятая Богородица*. Взмолились Богу: Христу и Богородице – это понятно. Но как себе представить, что в 1380 году русские на Куликовом поле взмолились *богу-Дону*? Этого даже в «Слове о полку Игореве» не было. Сомнения наши подкрепляются и чисто лингвистически: Если *Волга* (женского рода) – мать родная, то *Дон* (мужского рода) должен быть *батюшкой* и не может быть *матерью*. Кроме того, в фольклорном тексте от Дона помощи не ждут, и от него её не поступает.

Модель **(призн)-(р)** представлена номинациями: *бела-рыба, белой-рыбице, жар-птица* с её падежными вариантами и *жар-цвет*. В первой части этих номинаций – цвет, свет и тепло, во второй – общее (родовое) название натурфактов: рыб, птиц, растений. В целом получается видовое название рыбы, птицы, растения.

Следующая серия номинаций, представляющих разные модели, объединена тем, что они называют людей или отсылают к людям, предназначена следующими номинациями (сначала идёт модель, потом – количество номинаций, затем – сама номинация): (прозв)-(возр) 8 *баловня-детина*, (прозв)-(возр) 8 *богатырь-девка*, (прозв)-(возр) 8 *богатырь-девке*, (прозв)-(возр) 8 *богатырь-девкою*, (прозв)-(возр) 8 *богатырь-девку*, (прозв)-(возр) 8 *душа-девица*, (прозв)-(возр) 8 *душой-дэвицей*, (прозв)-(возр) 8 *душой-девицей*, (ри)-(опр) 8 *мать-лиходейку*, (ри)-(опр) 8 *мать-рожь*, (ри)-(возр) 8 *мать-старуха*, (ри)-(возр) 8 *мать-старуху*, (ри)-(возр) 8 *мать-старушка*(ри)-(возр) 8 *мать-старушку*, (ри)-(соцроль) 8 *мать-царевна*, (ри)-(опр) 8 *мачеху-волшебницу*, (прозв)-(соцроль) 6 *душою-царевной*, (прозв)-(ур) 6 *Соловей-разбойник*, (прозв)-(соцроль) 6 *Соловьё-разбойнику*, (прозв)-(соцроль) 6 *Соловьё-разбойничку*, (прозв)-(соцроль) 6 *Соловьё-разбойника*, (прозв)-(соцроль) 6 *Соловьё-разбойничка*, (тсв)-(опр) 6 *жена-волшебница*, (тсв)-(опр) 6 *жена-красавица*, (тсв)-(опр) 6 *жене-красавице*, (тсв)-(опр) 6 *женою-красавицей*, (тсв)-(опр) 6 *жену-изменицу*, (тсв)-(опр) 6 *невеста-красавица*, (х)-(ур) 5 *сударыня-матушка*, (х)-(ур) 5 *сударь-отец*, (х)-(ур) 5 *свет-батюшка*, (х)-(ур) 5 *света-батюшку*, (х)-(ур) 5 *сударыня-матушка*, (ур)-(в) 5 *батюшка-медведюшка*, (ур)-(в) 5 *близнецов-мальчиков*, (ур)-(в) 5 *брата-голубя*, (ур)-(в) 5 *братья-богатыри*, (ур)-(в) 5 *матушка-кормилица*, (соцроль)-(призн) 5 *княгине-красавице*, (соцроль)-(призн) 5 *попа-старика*, (соцроль)-(призн) 5 *слугу-невидимку*, (соцроль)-(призн) 5 *стрельчиха-красавица*, (соцроль)-(призн) 5 *стрельчихе-красавице*, (соцроль)-(прозв) 5 *мурзе-невидимке*, (соцроль)-(прозв) 5 *стрелец-молодец*, (соцроль)-(прозв) 5 *стрельца-молодца*, (соцроль)-(прозв) 5 *стрельцом-молодцом*, (соцроль)-(прозв) 5 *стрельцу-молодцу*, (опр)-(возр) 4

ягой-бабки, (опр)-(возр) 4 ягой-бабы, (опр)-(возр) 4 ягу-бабу, (опр)-(возр) 4 ягу-буру, (призн)-(в) 4 Кикереку-петушок золотой, (призн)-(в) 4 Усыни-богатыря, (призн)-(в) 4 Усыню-богатыря, (призн)-(в) 4 Усыня-богатырь, (прозв)-(ир) 4 Катоме-дядька, (прозв)-(ир) 4 Катоме-дядьке, (прозв)-(ир) 4 Катому-дядьку, (прозв)-(ир) 4 лиходеиками-сестрами, (ир)-(призн) 3 дочерях-красавицах, (ир)-(призн) 3 дочь-красавица, (ир)-(призн) 3 дочь-семилетка, (опр)-(в) 3 мрасицекозлице, (опр)-(в) 3 шельма-кот, (призн)-(призн) 3 сивка-бурка, (призн)-(призн) 3 Сивко-бурко, (призн)-(призн) 3 сивку-бурку, (призн)-(этнон) 3 Кроволин-татарин, (призн)-(этнон) 3 Кроволина-татарина, (призн)-(этнон) 3 Кроволину-татарину, (прозв)-(имя) 3 Крошечка-Хаврошечка, (прозв)-(имя) 3 Чуфиль-Филюшка, (прозв)-(имя) 3 Чуфиль-Филюшку, (х)-(прозв) 2 еришишко-кропачишко, (х)-(прозв) 2 еришишко-пагубнишко, (в)-(соцроль) 2 Окунь-рассыльный, (в)-(соцроль) 2 Окуню-приставу, (возр)-(соцроль) 2 старик-слуга, (возр)-(соцроль) 2 старушка-княгиня, (возр)-(тсв) 2 баба-вдова, (возр)-(тсв) 2 старушка-вдова, (икр)-(прозв) 2 куманек-голубок, (икр)-(прозв) 2 Кумушка-голубушка, (имя)-(ир) 2 Иванушка-братец, (опр)-(этнон) 2 собака-татарин, (опр)-(этнон) 2 собаку-татарина, (в)-(возр) 1 жучок-старичок, (икр)-(в) 1 кумушка-лиса, (имя)-(нф) 1 Иван-Горох, (имя)-(призн) 1 Анна-пророчица, (ир)-(нф) 1 батюшко-Морозушко, (ир)-(тсв) 1 батюшка-муженек, (мер)-(в) 1 Шмат-разум?, (нф)-(опр) 1 Мороз-Трескун, (призн)-(соцроль) 1 поваренок-царевна, (прозв)-(икр) 1 голубчик-куманек, (соцроль)-(возр) 1 хозяйка-старушка, (соцроль)-(тсв) 1 купец-вдовец, (соцроль)-(этнон) 1 управляющий-немец, (тсв)-(в) 1 невеста-царевна, (тсв)-(соцроль) 1 тес-тю-царю, (этнон)-(в) 1 Русь-кость, (этнон)-(прозв) 1 китайцы-дураки.

Оговорка, сделанная выше, касается номинаций типа *батюшка-медведюшка*, *брата-голубя*, подобных рассмотренным выше номинациям *лисичка-сестричка* и *волчик-братик*, а также номинации модели **(ри)-(опр)**, которую можно конкретизировать как **(ри)-(нф)**, – *мать-рожь*, поскольку слово *рожь* употреблено в своем прямом значении: «*жаворон воспевает, слышит весну красну, слышит лето тепло: стала мать-рожь на колос метаться, скотинушка в лес убираться*». Соответственно, слово *мать* употреблено в расширительном значении: «*трад.-нар. О том, что является родным, близким, дорогим, представляя собой какую-л. духовную ценность*» [БТС 2010]. Однако не стоит забывать о д и ф ф у з н о с т и фольклорного слова: *мать* кормит и *рожь* кормит.

Обратимая пара *батюшки-светы* и *свет-батюшка* свидетельствует о необходимости отождествления модели **(х)-(ир)** с моделью **(ир)-(опр)**, описанной выше.

В свою очередь номинация *богатырь-девка* может быть соотнесена с номинацией *Сонька-богатырка*.

По-видимому, в нашем метаязыке множества **(имя)-(прозв)-(возр)** и **(опр)-(призн)** могут быть отождествлены, равно как и **(х)-(э)-(в)-(р)**.

Отдельный интерес представляют номинации русских городов: *Иваном-городом*, *Киев-град*, *Себеж-град*, *Чернигов-град*, *Крым-град*. Номинация *Крым-град* означает нечто далёкое: «*Вот раз придумала жена послать его за лекарством в Крым-град*». А номинация *Китай-град*, в сказке обозначает 'китайский город', в котором живет «*царь китайский*»: «*По некоем времени подступила под Китай-град сила великая, и требовал Полкан от царя любезную его дочь, прекрасную Лаоту, себе в замужество с великими угрозами и с наказом: ежели не отдаст дочь свою ему в супруги, то государство его огнем пожжет, а войско мечом посечет, а царя и с царицею засадит в темницу, а дочь их возьмет неволею*».

Другой интересной группой номинаций являются глагольные, образованные по моделям **(имп)-(аф)** и **(аф)-(имп)**: *Мети-шесток*, *Подмети-шесток*, *Пеки-пирог*, *Поддай-челнок*, *Огня-вздувай*, *Трубу-закрывай*. Перед нами обычные полные императивные предложения, оформленные как единая номинация. Секрет прост – это, как и *Подмети-шесток*, имена дочерей лисы: «*Жила-была лиса красна во своем золотом гнезде; у нее было семь дочерей: первая дочь Чучелка, другая Подчучелка, третья Поддай-челнок, четвертая Мети-шесток, пятая Трубу-закрывай, шестая Огня-вздувай, а седьмая Пеки-пирог!*». Эти имена показывают, как распределялись обязанности в семье лисы. И тут диффузность мифологического мышления, проявляющийся в анимизме: и лиса и её дочери – это люди.

Номинация *давай-примай*, **представляющая модель (побужд)-(действ)**, стоит особняком: это глагольное словосочетание, оформленное (вряд ли правомерно) как целостная номинация: «*Давай-примай говорит, дань от русского князя Дмитрия Ивановича!*». *Давай* «Выражает приглашение к совместному действию или побуждение к действию. *Давай мириться! Спи давай! Давайте поторапливайтесь*» [БТС 2010].

Следующая группа глагольных номинаций выражает причинно-следственные отношения, а именно **(прич)-(следств)**: *пить-опорожнять*, *смотрела-дивилась*, *смотрит-дивуется*, *ухватил-поволок* и **(следств)-(прич)**: *встает-просыпается*, *встать-*

пробудиться, знала-видала, лежит-протянулся. Поскольку мифологическое мышление не знает причинно-следственных отношений и не различает их, данные номинации можно приравнять к модели (х)-(х). И действительно? Части этих номинаций взаимозаменяемы в своих контекстах: *«Тут я, добрый мѡлодец, трои сутки пролежал; никто меня не знал, не видал, только знала-видала меня рогатая скотина – таракан да жужелица»; «А девица спит себе: хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветливые, а встать-пробудиться не может. Утром просыпается, смотрит – на окне ножи да иглы натыканы, а с них кровь так и капает». «Она в избу – нету никого в избе, забегла в палату – в большом углу лежит-протянулся Змей Змеевич, сидит на печном столбе Ворон Воронович, сидит на престоле Кокот Кокотович».*

Интересны редкие составные номинации, составленные антонимами по модели (х)-(х-): *взад-вперед* («Повара то и дело **взад-вперед** бегают: кто варит, кто жарит, кто льет, а кто на чумичке вшей бьет»), *живо-мертвой* (Иван добыл и **живо-мертвой** воды, sprыснул братьев поднялись *молодцы*, протирают глаза, сами думают: Долго спали мы бог весть, что сделалось!).

Вряд ли можно (несмотря на дефисное написание) отнести к составным номинациям словосочетания *право-слово* и *одним-днем*: *«Пуще прежнего возмолилась баба-яга, дает клятву великую, что теперь не станет хитрить: **право-слово** доведу до хорошей воды»; «Была репа важная, дивилась старуха кажная; **одним-днем** кругом не обойдешь; у той репы половину мы с семьей целую неделю ели, другую половину другую неделю; корку навалили да кобылу и телегу обломали».*

Описав семантические отношения между частями макро модели Х-У, мы можем обратиться к анализу их ритмической организации.

Материал заставляет нас отчасти дополнить, а отчасти изменить существующую стиховедческую терминологию.

В нашем материале встречаются шести- и семисложные слова как части составной номинации, и коль скоро мы приняли решение называть их, используя классическую терминологию силлабо-тонических метров, нам нужны термины для шести- и семисложных членов составных номинаций.

Если бы не было семисложных слов, можно было бы воспользоваться термином *гиперпентон*: «...когда мы имеем дело с шестисложной (и более) стопой, стихотворение получает дополнительную помету *гиперпентон*» [Гришина 2009:79]. Оговорка «и более» указывает на невозможность различать с помощью термина *гиперпентон* шести-

сложные и семисложные метры, что и побуждает нас от него отказаться.

По аналогии с *пентонами* I-V (для пятисложных метров) мы предлагаем дополнить существующую терминологию терминами *гексоны* I-VI для шестисложных метров и *септоны* I-VII – для семисложных.

Таким образом, мы будем пользоваться следующей терминологией и условными обозначениями.

Метр	Название	Сокр.
1	Односложник	1сл
01	Ямб	Я
10	Хорей	Х
100	Анапест	Ан
010	Амфибрахий	Аф
001	Дактиль	Д
1000	Пеон-I	По-1
0100	Пеон-II	По-2
0010	Пеон-III	По-3
0001	Пеон-IV	По-4
10000	Пентон-I	Пт-1
01000	Пентон-II	Пт-2
00100	Пентон-III	Пт-3
00010	Пентон-IV	Пт-4
00001	Пентон-V	Пт-5
001000	Гексон-III	Г-3
0010000	Септон-III	С-3

Вначале рассмотрим симметричные структуры, потом – асимметричные. Внутри асимметричных – с возрастанием длины к концу, затем – с убыванием длины к концу.

Рассмотрение ритмико-фонетической структуры номинаций макро-модели X-Y начнем с силлабики.

Вначале оценим соотношение силлабически симметричных номинаций по простоте-сложности её членов.

Таблица 5. Распределение силлабически симметричных номинаций макро-модели X-Y

Размер	Номинаций	%
3-сложник	160	42%
2-сложник	144	38%
4-сложник	37	10%
1-сложник	22	6%
5-сложник	15	4%
ВСЕГО:	378	100%

Наглядно эти данные представлены на рисунке (см. ниже).

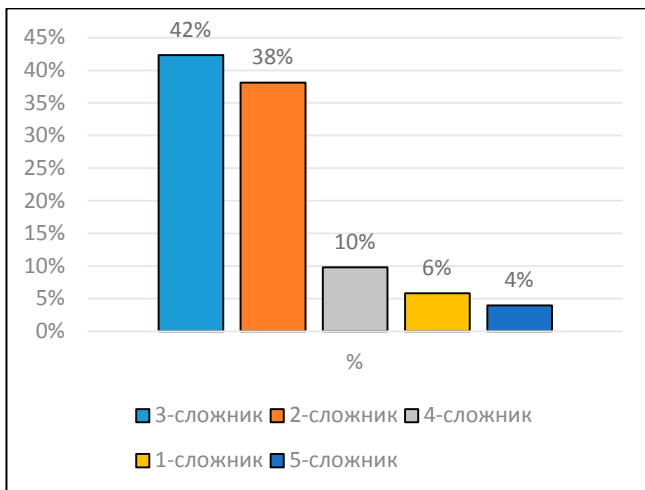

Рис. 10. Зависимость доли симметричных номинаций X-Y от числа слогов в каждой из частей (%).

Как видим, и здесь 2-3-стопные размеры преобладают, составляя 4/5 всех силлабически симметричных номинаций. И здесь односложник представляет собой вырожденный (аномальный вариант). Преобладание на 4% 3-сложников объясняется их большими возможностями их комбинаторики.

Соотношение силлабически симметричных и асимметричных номинаций с возрастающей и убывающей длиной представлено на Рис. 11.

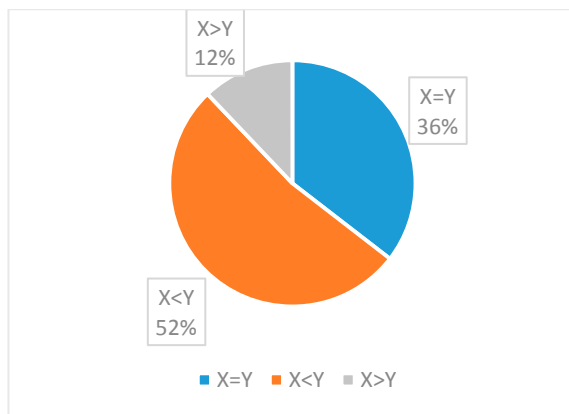

Рис. 11. Зависимость доли номинаций макро-модели X-Y от их syllабической симметричности, возрастающей или убывающей асимметричности.

Как свидетельствует Рис.11, syllабически симметричные номинации составляют более 1/3. Более половины составляют номинации, у которых в первой части меньше слогов, чем во второй, и всего 12% приходится на долю номинаций у которых в первой части больше слогов, чем во второй. Это позволяет сделать вывод о нетипичности составных номинаций с убывающим числом слогов и о рецессивности такой syllабической модели.

Полная статистика syllабически симметричных ритмических структур составных номинаций в тексте-источнике представлена в Таблице 6.

Таблица 6. Статистика syllабически симметричных ритмических структур номинаций типа X-Y.

Слогов	Размер	Модель	ЧислСтркт	Пример
3	Аф-Аф	vYv-vYv	61	смотрела-дивилась
2	Я-Я	vY-vY	56	давай-примай
2	X-X	Yv-Yv	46	право-слово
3	Ан-Ан	vvY-vvY	41	ухватил-поволок
2	Я-X	vY-Yv	23	ягу-бабу
1	1сл	Y-Y	22	есть-пить
3	Аф-Ан	vYv-vvY	22	Усыня-богатырь
2	X-Я	Yv-vY	19	баба-вдова

4	По-III-По-III	vvVv-vvVv	17	засвистали-зашумели
3	Д-Д	Vvv-Vvv	14	окуню-приставу
5	Пт-III-Пт-III	vvVvv-vvVvv	13	супротивником-поединщиком
4	По-II-По-II	vVvv-vVvv	12	расспрашивать-разведывать
3	Д-Аф	Vvv-vVv	7	баловня-детина
3	Ан-Аф	vvV-vVv	6	Соловей-разбойник
4	По-III-По-II	vvVv-vVvv	6	Кроволину-татарину
3	Ан-Д	vvV-Vvv	5	богатырь-девкой
3	Д-Ан	Vvv-vvV	3	батюшка-муженек
4	По-III-По-IV	vvVv-vvvV	2	Никанором-богатырем
5	Пт-II-Пт-II	vVvvv-vVvvv	2	придумывают-пригадывают
3	Аф-Д	vVv-Vvv	1	Иваном-городом

Распределение силлабо-тонических структур представлено в Табл.7.

Таблица 7. Распределение силлабо-тонических структур в номинациях типа X-Y (по данным «Русских народных сказок» А.Н.Афанасьева).

Метр	Стопы	Номинаций	Пример
Аф-Аф	010-010	61	СМОТРЕЛА-ДИВИЛАСЬ
Я-Я	01-01	56	ДАВАЙ-ПРИМАЙ
Х-Х	10-10	46	ПРАВО-СЛОВО
Х-Аф	10-010	46	ОКУНЬ-РАССЫЛЬНЫЙ
Я-Ан	01-001	43	КОНЯ-ЛЕТУНА
Ан-Ан	001-001	41	УХВАТИЛ-ПОВОЛОК
Аф-По-2	010-0100	28	НЕВЕСТА-КРАСАВИЦА
Х-Д	10-100	27	БЕЛОЙ-РЫБИЦЕ
Х-Д	10-100	27	ЗЛАТОМ-СЕРЕБРОМ
Х-По-3	10-0010	27	МАЛЬЧИК-СИРОТИНКА
1сл-Аф	1-010	26	МАТЬ-ЦАРЕВНА

Д-По-2	100-0100	25	МАЧЕХУ-ВОЛШЕБНИЦУ
1сл-Я	1-01	24	ВЗАД-ВПЕРЕД
1сл-Х	1-10	23	ЖАР-ПТИЦЫ
Я-Х	01-10	23	ЯГУ-БАБУ
1сл-1сл	1-1	22	ДОН-МАТЬ
Аф-Ан	010-001	22	УСЫНЯ-БОГАТЫРЬ
Х-По-2	10-0100	20	СМОТРИТ-ДИВУЕТСЯ
Х-Я	10-01	19	БАБА-ВДОВА
Я-Аф	01-010	18	ЗНАЛА-ВИДАЛА
Я-По-3	01-0010	17	ЛЕЖИТ-ПРОТЯНУЛСЯ
По-3-По-3	0010-0010	17	ЗАСВИСТАЛИ-ЗАШУМЕЛИ
1сл-Ан	1-001	15	МЕЧ-САМОРУБ
Я-По-2	01-0100	15	ЖЕНУ-ИЗМЕНИЦУ
Я-Д	01-100	14	ЧУФИЛЬ-ФИЛЮШКУ
Я-Д	01-100	14	ДУШОЙ-ДЕВИЦЕЙ
Д-Д	100-100	14	ОКУНЮ-ПРИСТАВУ
Аф-По-3	010-0010	13	ЕРШИШКО-ПАГУБНИШКО
Пт-3-Пт-3	00100-00100	13	СУПРОТИВНИКОМ-ПОЕДИНЩИКОМ
Х-1сл	10-1	12	СЕБЕЖ-ГРАД
Ан-По-3	001-0010	12	САПОГИ-СКОРОХОДЫ
По-2-По-2	0100-0100	12	РАСПРАШИВАТЬ-РАЗВЕДЫВАТЬ
Д-Пт-3	100-00100	12	ДЕВИЦЕ-РАСКРАСАВИЦЕ
Д-Пт-3	100-00100	12	МЫШЕЧКА-ТЮТЮРЮШЕЧКА
Ан-Х	001-10	11	БОГАТЫРЬ-ДЕВКУ
Аф-Я	010-01	10	СТАРУШКА-ВДОВА
По-3-Аф	0010-010	10	ПОВАРЁНОК-ЦАРЕВНА
Ан-По-2	001-0100	10	СОЛОВЬЯ-РАЗБОЙНИЧКА
Аф-Х	010-10	9	КАТОМУ-ДЯДЬКУ
Д-Аф	100-010	7	БАЛОВНЯ-ДЕТИНА
Аф-Пт-3	010-00100	7	ЗАПЛАКАЛ-ЗАПЕЧАЛИЛСЯ

Я-1сл	01-1	6	ОДНИМ-ДНЕМ
Ан-Я	001-01	6	ПОДМЕТИ-ШЕСТОК
Д-Х	100-10	6	БАТЮШКА-ДОХТУР
1сл-По-3	1-0010	6	ВСТАТЬ-ПРОБУДИТЬСЯ
По-3-Х	0010-10	6	ИВАНУШКА-БРАТЕЦ
Ан-Аф	001-010	6	СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК
Аф-По-4	010-0001	6	УСЫНЮ-БОГАТЫРЯ
По-3-По-2	0010-0100	6	КРОВОЛИНУ-ТАТАРИНУ
1сл-Д	1-100	5	ЖАР-ПТИЦЕЮ
Х-Ан	10-001	5	БУРЯ-БОГАТЫРЬ
Ан-Д	001-100	5	БОГАТЫРЬ-ДЕВКОЮ
Я-Пт-3	01-00100	5	ВСТАЕТ-ПРОСЫПАЕТСЯ
Аф-1сл	010-1	4	ЧЕРНИГОВ-ГРАД
Я-По-4	01-0001	4	СОСНЫ-БОГАТЫРЯ
Ан-Пт-3	001-00100	4	ПОГУЛЯТЬ-ПОЛЮБОВАТЬСЯ
По-3-Пт-3	0010-00100	4	СИМЕОНОВ-ОДНОБРЮШНИКОВ
По-2-Пт-3	0100-00100	4	УДЕРЖИВАТЬ-ОСТАНАВЛИВАТЬ
1сл-По-2	1-0100	3	ДОЧЬ-КРАСАВИЦА
По-3-Я	0010-01	3	ВАСИЛИСУ-КРАСУ
По-2-Я	0100-01	3	ИВАНУШКА-ДУРАК
Д-Ан	100-001	3	БАТЮШКА-МУЖЕНЕК
По-2-Ан	0100-001	3	ИВАНУШКУ-ДУРАЧКА
По-2-Д	0100-100	3	СУДАРЫНЯ-МАТУШКА
Д-По-3	100-0010	3	БАБУШКОЙ-ВОРОЖЕЙКОЙ
Я-Д	01-110	2	ДУШОЙ-ДÉВИЦЕЙ
Д-Я	100-01	2	КУМУШКА-ЛИСА
Ан-По-4	001-0001	2	ПОТУЖИЛ-ПОГОРЕВАЛ
Ан-По-4	001-0001	2	КВАШНИН6К-БОГАТЫРёК
Х-Пт-3	10-00100	2	ДОЧКА-КОРОЛЕВИШНА
По-3-По-4	0010-0001	2	НИКАНОРОМ-БОГАТЫРЕМ

Пт-3-Д	00100-100	2	ГОСУДАРЬНЯ-МАТУШКА
Аф-Пт-4	010-00010	2	ИЗБИЛИСЬ-ИСКЛОТИЛИСЬ
Я-Г-3	01-001000	2	ПОЕТ-ВЫГОВАРИВАЕТ
Я-С-3	01-0010000	2	СТОИТ-ПОВОРАЧИВАЕТСЯ
Пт-2-Пт-2	01000- 01000	2	ПРИДУМЫВАЮТ- ПРИГАДЫВАЮТ
Ан-1сл	001-1	1	СЕМИОН-ВОР
1сл-По-4	1-0001	1	ПИТЬ-ОПОРОЖНЯТЬ
Аф-Д	010-100	1	ИВАНОМ-ГОРОДОМ
Х-По-4	10-0001	1	БРАТЬЯ-БОГАТЫРИ
По-4-Ан	0001-001	1	КИКЕРЕКУ-ПЕТУШОК
Пт-3-Х	00100-10	1	УПРАВЛЯЮЩИЙ-НЕМЕЦ
Я-Пт-2	01-01000	1	ХОЖУ-ВЫСМАТРИВАЮ
Д-По-4	100-0001	1	ЗОРЬКОЮ-БОГАТЫРЕМ
По-3-Пт-4	0010-00010	1	УПРОСИЛИ-УГОВОРИЛИ
По-3-Пт-2	0010-01000	1	УГОСТИЛА-УПОТЧЕВАЛА
По-2-Пт-2	0100-01000	1	НЕЗВАННЫЕ-НЕПРОШЕННЫЕ
Аф-Г-3	010-001000	1	ИГРАЕТ-ВЫГОВАРИВАЕТ
По-1-Пт-2	1000-01000	1	ВГЛЯДЫВАЛИСЬ- ПРИСМАТРИВАЛИСЬ
Г-3-По-3	001000- 0010	1	УГОВАРИВАЛА-УМОЛЯЛА

Наглядно это распределение представлено ниже на Рис.12.

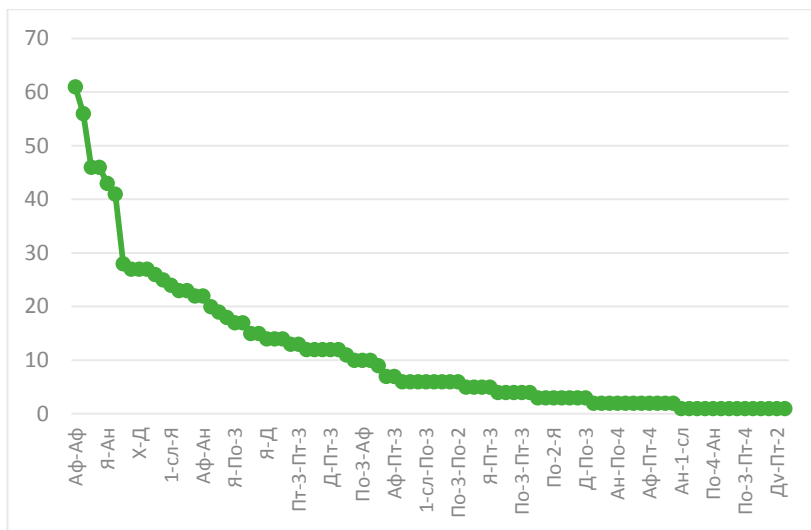

Рис.12. Распределение составных номинаций структуры X-Y по числу слогов и месту ударения.

Как видно из приведенных данных, самой распространённой структурой в этой части корпуса данных является Аф-Аф (*смотрела-дивилась*) – 61 номинация. Незначительно уступает ей в этом структура Я-Я (*давай-примай*) – 56 номинаций. Далее следуют структуры: Х-Х (*право-слово*), Х-Аф (*окунь-рассыльный*), Я-Ан (*трубу-закрывай*), Ан-Ан (*ухватил-поволок*). После них со значительным отрывом следуют структуры, образующие монотонно убывающий ряд.

Проверим высказанную ранее гипотезу и подсчитаем, какие структуры преобладают в этой части материала: ямбические или хореические.

Для этого подсчитаем, сколько раз какой метр встречается суммарно в первой и второй части. Соответствующие данные представлены ниже.

Табл. 8. Распределение метров в номинациях типа X-Y по ямбичности-хореичности.

Метр	Раз	Стопа	Тип	Пример
Аф	339	010	Х	прост'ился
Я	331	01	Я	душ'а
Х	330	10	Х	пл'акать

Ан	231	001	Я	госуд'арь
Метр	Раз	Стопа	Тип	Пример
1-сл	170	1	-	св'ет
По-3	146	00100	Я	генер'ала
По-2	145	0100	Я	зад'умался
Д	145	100	Х	д'евочка
Пт-3	67	00100	Я	пустол'аечка
По-4	18	0001	Я	погорев'ал
Пт-2	8	01000	Я	попр'ыгивает
Г-3	4	001000	Х	выгов'аривает
Пт-4	3	00010	Х	благослов'ился
С-3	2	0010000	Я	повор'ачивается
По-1	1	1000	Х	вгл'ядывались

Суммарные данные таковы: Ямбические метры – 822, хореические – 948.

Соотношение этих величин показано на диаграмме (Рис.13).

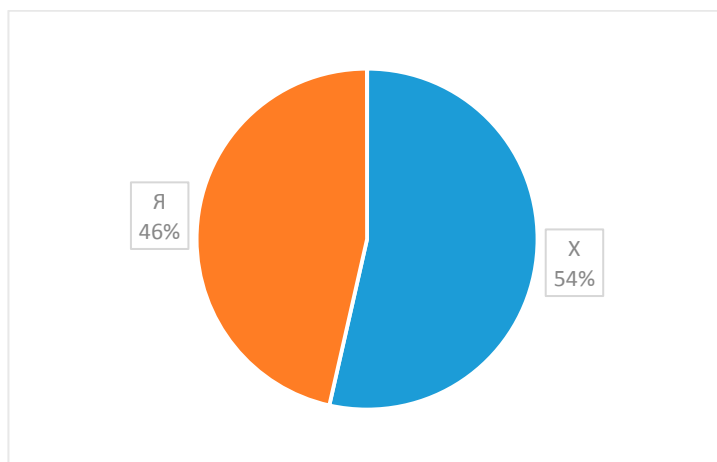

Рис.13. Соотношение ямбических и хореических метров в номинациях типа X-Y (по данным «Русских народных сказок» А.Н.Афанасьева).

Как видим, наша гипотеза подтвердилась: и в этой части нашего материала хорейские метры преобладают. Разница составляет 8% – почти 1/10.

Подведем итоги. Поставленная цель – выявить модели, по которым образованы составные номинации в русских народных сказках [Афанасьев 1984-1985] и могут образовываться новые, достигнута.

Установлено, что количеству элементов составная номинация образует три множества: 1) четырёхчленные – 1 словоформа, 2) трёхчленные – 22 словоформы, 3) двучленные – 1333 словоформы. Трёхчленные и четырёхчленные номинации по преимуществу являются онома-топеями.

При всей условности критерия выделения составных номинаций он доказал свою продуктивность, позволив выделить составную номинацию, образуемую по модели «X да X». Кроме того, установлена непосредственность в оформлении составных номинаций в текстах сказок и предложен единообразный принцип их оформления через дефис (например, *Василиса-краса-золотая-коса*, *баба-яга-ко-стяная-нога* вместо реально представленных *Василиса-краса золотая коса*, *баб-яга ко-стяная нога*).

Установлено, что по этим же моделям образуются номинации и за пределами сказочных текстов. Отмечен процесс превращения устойчивого словосочетания в сращение через утрату способности к словоизменению не-последних членов номинации.

Проанализировано слово *Ягинична*, указывающее (наряду с другими номинациями) на пережитки матрилинейности, свойственные матриархальному обществу, что нашло своё отражение в языке сказок. Обнаружена продуктивность словообразовательной модели на *-ыня* в языке сказок. Рассмотрены соображения в пользу «огненного» происхождения прилагательного *Яга(я)*.

Модели описаны с формальной и содержательной стороны. Формальная сторона включает как морфемную, так и метрическую (силлабическую и силлабо-тоническую) составляющие.

Установлено, что составные номинации порождаются двумя моделями. Все двучленные составные номинации распадаются на две неравные части: меньшую, образованную по модели X-X (260 словоформ), и большую, образованную по модели X-Y (1073 словоформы). Первая модель симметричная: $X_{i+1}=X_i+X$, при этом количество итераций ограничено разве что оперативной памятью человека и терпением слушателя. Её самый распространенный вариант – самый простой (двучленный). При этом тождество корня и семантики может осложняться и разнообразиться различием аффиксов. Вторая модель асим-

метричная: X-Y. Эта модель может разнообразиться тождеством аффиксов, флексий и рифм.

Таким образом, тождества-различия в составных номинациях находятся в отношениях взаимного распределения и представляют собой лингвистический аналог первого начала термодинамики в формулировке Дж. П. Джоуля (1842 г.): «В любой изолированной системе запас энергии остаётся постоянным» – «**В любой составной номинации соотношение тождеств и различий остаётся постоянным**». Действительно: тождество корней сопровождается различием аффиксов, а различие корней – тождеством аффиксов. В наблюдаемом явлении просматривается сходство и с законом сохранения материи⁴⁵. При этом отношения *тождеств-различий* можно поставить в соответствие с соотношением *информации-энтропии*. В таком случае лингвистическая версия первого начала термодинамики окажется законом сохранения информации в составной номинации⁴⁶.

Частеречное рассмотрение двучленных составных номинаций абсолютное преобладание глаголов и полное отсутствие существительных в номинациях типа X-X, а также преобладание форм несовершенного вида прошедшего времени среди глагольных номинаций (*спал-спал, шел-шел, бежал-бежал, били-били* и т.п.). Обнаружены инфинитивные номинации, отсутствующие в современном литературном языке и редкие в диалектах: *знать-знать, искать-искать, трясти-трясти, биться-биться* и др.

Отмечены употребления форм будущего времени в значении «здесь и сейчас»: *погрызет-погрызет, поглазуют-поглазуют*.

⁴⁵ «В письме к Эйлеру Ломоносов формулирует свой «всеобщий естественный закон» (5 июля 1748 года), повторяя его в диссертации «Рассуждение о твердости и жидкости тел» (1760): «...*Все перемены, в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому, так ежели где убудет несколько материи, то умножится в другом месте... Сей всеобщий естественный закон простирается и в самые правила движения, ибо тело, движущее своею силою другое, столько же оные у себя теряет, сколько сообщает другому, которое от него движение получает*» (М.В. Ломоносов). [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%8B_%D1%81%D0%BE%D1%85%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F]

⁴⁶ Ср. вывод В.Б. Вяткина «о взаимосвязи синергетической теории информации со статистической термодинамикой и... о том, что синергетическая теория информации по своей сущности является физической теорией» [Вяткин В.Б. 2009].

В порядке убывания количества слогов номинации типа X-X распределяются в последовательности 2-3-1-4-5 слогов, что свидетельствует о рецессивности односложных номинаций в языке русских сказок. Применение к исследованию ритмической структуры сказочных составных номинаций типа X-X аппарата традиционной силлаботоники свидетельствует о преобладании хорей и хореических размеров, что неожиданно на фоне известного факта преобладания ямба в литературной силлабо-тонической поэзии. Новым является распространение этой в статье понятий хореичности-ямбичности на 3-5-стопные метры.

Среди номинаций типа X-Y преобладают существительные (более 66%). На втором месте (22%) – глаголы. Остальные части речи редки. Разнородные в частеречном отношении составные номинации типа *Подмети-шесток* весьма редки или сомнительны: *право-слово, одним-днем*.

Привлечение в качестве аналога для объяснения составных номинаций техники праиндоевропейского языка оказалось весьма продуктивным: были найдены аналоги полной, частичной и «ломаной» редупликации и даже инфиксации (*цан-царан*). При этом удалось обнаружить закономерность состоящую в моделировании семантики по образу и подобию формы, т.е. в перенесении внешнего на внутреннее.

Как показал анализ морфемного состава, в асимметричных номинациях нормой является бóльшая сложность второй части номинации, а наибольшую распространённость имеют модели X-pX (аналог частичной редупликации – *крепко-на́крепко, тень > *те-тень > по-те-тень*) и X-Xs (аналог ломаной редупликации – *царь-царевич*). Номинации типа *Кот-Котович, Ворон-Воронович* указывают сразу на две особенности мифологического мышления, нашедшего отражение в языке сказок: во-первых, на анимизм – неразличение мира животных и мира людей, а во-вторых, на этиологичность – отождествление сущности явлений (людей, фактов живой и неживой природы) с их происхождением. Номинации типа *король-королевич, поп-попович* можно рассматривать как редупликацию, указывающую на истинный, подлинный, высший вид данного социального статуса.

Особый интерес представляют рифмованные номинации *тина-плотина, убил-загубил, биться-рубиться*, в которых просматривается становление поэтической функции языка (в понимании Р. Якобсона).

Предложена деривационная история для лексемы *тьмуцая* в номинации *тьма-тьмуцая*: *тьма > тьмить > тьямщий* (действительное причастие настоящего времени) *> тьмущий* (прилагательное «с усиленно-увеличительным значением»); где трансформация *-ящ > -ущ*,

как в *живящий* > *живущий*, маркирует переход из причастий в прилагательные.

С точки зрения формы 90% номинаций типа X-Y имеют маркированную вторую часть. У 7% номинаций этого типа маркирована 1-ая часть. И только 3% представляют собой эквиполентную оппозицию. Как видим, привативные оппозиции в составных номинациях преобладают, составляя 97%.

Нормой является склонение обеих частей составной номинации, ибо, как правило обе части принадлежат одной части речи. Например, *Марфа-царевна, Марфе-царевне, Марфой-царевной, Марфою-царевною, Марфу-царевну, Марфы-царевны*.

Отклонением от нормы является утрата склонения первой частью номинации. Например, *жар-птица, жар-птице, жар-птицею, жар-птицу, жар-птицы*. Неизменяемость первой части при изменяемости второй указывает на процесс сращения частей составной номинации и превращения её в морфологически сложную, но синтаксически нечленную номинацию (один из критериев тождества слова по А.И. Смирницкому). Например, *океан-море, океан-морю, океан-моря*. Форма же *океана-моря*, встретившаяся в том же источнике, указывает на незавершённость процесса превращения составной номинации в синтаксическое слово.

Причина аномальности номинации *рыба-сом, рыбу-сом, рыбы-сом* (со склоняемой первой частью и несклоняемой второй) состоит в том, что *рыба-сом* является частью рифмованной номинации *рыба-сóm с большим усóm*, которую для обозначения её границ следовало бы писать: *рыба-сóm-с-большим-усóm*. Рифма *сом-усóm* требует неизменности слова *сом*, иначе рифма будет разрушена, но субстантивная номинация в русских сказках (в отличие от современной рекламы) обязательно должна как-то склоняться, и эту функцию берёт на себя не связанное к рифме слово *рыба (рыбу, рыбы* и т.д.).

Анализ семантических отношений между частями номинаций типа X-Y показал преобладание моделей «эквоним-эквоним» (21% – *безногий-безрукий, груши-яблоки, гуси-лебеди* и т.д.) и «синоним-синоним» (17% – *беда-горе, бой-драка, были-жили, шлёпанцы-хлопанцы* и т.п.).

Анализ синонимических номинаций также показал преобладающую маркированность второго члена номинации, но уже – семантическую. Следовательно, семантические отношения между членами составной номинации воспроизводят их формальные отношения, что является частным проявлением **общего закона переноса чувственно**

воспринимаемых форм на ментальное в языке и культуре⁴⁷ (ср. кумулятивные структуры в фольклоре и литературе, а также понятие *жесткого, смягченного и мягкого* критериев тождества сюжетных морфем в [Кретов 2013:222-223, 244; Кретов 2014:247]).

О самоценном движении к тождеству формы, в котором проявляется поэтическая функция языка, свидетельствуют номинации *няньки-маньки* и *травка-муравка*. Для синонимичных номинаций свойственна **о б р а т и м о с т ь** (*были-жили* и *жили-были*, *закручинился-запечалился* и *запечалился-закручинился*), возникающая при условии ритмической симметрии.

Список номинаций, построенных по модели $X(x)-Y(x)$, позволяет реконструировать фольклорные синонимические ряды: например, номинации *беды-напаст* и *горя-печали* объединяются номинацией *беда-горе* в синонимический ряд *беда-напасть-горе-печаль*.

Эквонимические номинации типа *вину-хлебу*, *злато-серебро*, *города-села*, *поля-луга*, *садовники-огородники*, *ужа-змеи* современному сознанию представляются к в а з и л о г и ч н ы м и, потому что порождены иным – м и ф о л о г и ч е с к и м типом сознания. Эти номинации возникли в тот период развития человеческого общества и языка, когда потребность в общих понятиях уже возникла, а специализированных средств для их передачи ещё не существовало. Судя по всему, эта ситуация сложилась на ранних этапах перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу. Назначение составных номинаций модели $X(\varepsilon)-Y(\varepsilon)$ – удовлетворить вновь возникшую потребность людей в обозначении общих понятий. Для этого была найдена специальная техника: поскольку гиперонимов – слов с общим (родовым) понятием ещё не существовало, эти понятия передавались сочетанием эквонимов – слов, обозначающих два видовых понятия, принадлежащих одному роду. Тем самым родовая сема оказывалась выраженной дважды и усиленной. По существу, тут мы имеем дело с семантическим эквивалентом частичной редупликации или *частичной семантической редупликацией*. Если модель $X(x)-Y(x)$ является собой семантический аналог полной редупликации или *полную семантическую редупликацию*, то модель $X(\varepsilon)-Y(\varepsilon)$ является семантическим аналогом частичной редупликации или *частичной семантической редупликацией*. Эта техника соответствует введенному К.Леви-Стросом понятию **б р и к о л а ж а**. Номинации модели $X(\varepsilon)-Y(\varepsilon)$ в

⁴⁷ Насколько нам известно, таким образом этот закон формулируется впервые.

силу своей семантической симметричности так же обратимы, как и номинации модели $X(x)$ - $Y(x)$: содержание дифференциальной семы д оказывается несущественным по сравнению с тождеством интегральной семы **И**: *вино-пиво, пиво-вино; ели-пили, пили-ели; мед-пиво, пивомед* и др. Требование ритмической изоморфности здесь соблюдается менее строго.

Предпринята попытка реабилитировать прилагательное *прямохожий*, не признаваемое академической лексикографией, в отличие от другой части составной номинации – *прямоезжий*. Прилагательные *прямохожий* и *прямоезжий* предложено толковать, как «такой, по которому можно *пройти* прямо (о дороге)» и «такой, по которому можно *проехать* прямо (о дороге)», соответственно.

Номинации типа *Иван-царевич* и *Марья-царевна* свидетельствуют не только этиологичности мифологического мышления, но и о том, что герой сказок – человек в своих высших физических и социальных проявлениях.

Отмечено, что волшебные помощники всегда, а герои сказок – иногда намеренно принижены и неприглядны (*Иван-дурак, царевна-лягушка, конёк-горбунок, бабушка-задворенка-ягинишина*). Это тоже одно из требований поэтики фольклора: чем сильнее контраст между формой и содержанием, тем ярче и убедительнее чудесная волшебная сила её обладателя.

Номинации типа *налим-рыба, окунь-рыба, сом-рыба, щука-рыба* ведут себя, как синонимы, причём гипероним (род) подобен доминанте синонимического ряда, содержащей одну Интегральную сему (**И**), а гипоним (вид), кроме семы (**И**) имеет ещё и дифференциальную сему (д), таким образом, рассмотренные номинации с семиотической точки зрения представляют собой привативную оппозицию с маркированным первым членом: (**Ид**)-(**И**) \approx (**X⁺**)-(**X**). Использование (правда, без дефиса) этого типа номинаций в поэзии Н. Заболоцкого производит сильное впечатление.

При обсуждении номинации *меч-кладенец* принимается и аргументируется этимология, связывающая *кладенец* со словами *класть, клад*, как мотивированная способом обретения волшебного меча.

Номинации типа **(гипоним)-(гипероним)** и **(гипероним)-(гипоним)** также обладают свойством обратимости, и также не обязательно ритмически симметричны, из чего делается вывод о том, что в языке сказок гипо-гиперонимические отношения трактуются подобно синонимическим и эквонимическим. Это явление объясняется такой особенностью мифологического мышления как *тождество части и*

целого, вытекающее из открытого для него Леви-Брюлем закона «партиципации» (сопричастности).

Номинация *сестёр-коз* даёт повод говорить о один из фундаментальных принципов сказочного мироустройства – закон неисключительности третьего [Леви-Брюль 1994; Голосовкер 1987], когда коза одновременно является и человеком: имея внешний облик козы, ведёт себя как человек. Учитывая, свойственный фольклору протезизм, можно утверждать, что во всех сказках (за исключением бытовых) животные (а нередко – растения и неодушевлённые предметы) в то же самое время являются людьми.

Номинации типа *царь-ворон, царь-горох, царь-змея, царя-змея, царь-лев, царь-медведь* отражают то древнее состояние человеческого мышления, когда человек не отличал и не выделял себя из природы: на мир природы переносятся категории человеческого социума.

Номинации *баба-яга, бабкою-повитушкою, бабку-бельматку, бабку-ворожейку, бабушка-задворенка vs. старуха-говоруха, старуху-нищу*, интересны прежде всего своей женской составляющей, а в ней – оппозицией *баб(ушк)а:старуха*. Первая обладает магической силой. Вторая нет. Причину этого мы видим в различии «репродуктивный : не репродуктивный» возраст. Кроме того, корень *баб-* указывает на пол, а корень *стар-* указывает на преклонный возраст. Предметом поклонения с давних времён была женщина-продолжательница рода, репродуктивная способность которой выделяла её и порождала веру в её магические силы.

Предложена этимология номинации *курочка-татарушка*: от издаваемых ею звуков *та-та́*, посредством суффикса =ушка и обусловленной аллитерацией эпентезы [р].

В номинации *ведьма-змея*, обнаруживаем не только переносы человеческих свойств на животных, но и звериных – на людей.

Ещё одной яркой демонстрацией незаурядных креативных возможностей б р и к о л а ж а является исключительно глагольная модель (х)-(у): *бежит-спотыкается, едет-дремлет, играет-выговаривает, идет-шатается, поет-выговаривает, стоит-перевертывается, стоит-поворачивается*. Задолго до появления грамматической категории деепричастия наши предки нашли возможность обозначать два одновременно совершающихся события.

В номинации *девицы-колпицы* также действует закон неисключительного третьего: *девицы* одновременно являются и птицами-*колпицами*, дочерьми Ворона.

Странная номинация *Дон-мать*, обнаруженная в сказках Афанасьева, представляется результатом искажения текста, и как следствие – недостоверной.

Обратимая пара *батюшки-светы* и *свет-батюшка* свидетельствует о необходимости отождествления модели **(х)-(ир)** с моделью **(ир)-(опр)**.

По-видимому, в нашем метаязыке множества **(имя)-(прзвище)-(возраст)** и **(определение)-(признак)** могут быть отождествлены, равно как и синонимы, эквонимы и гипонимы-гиперонимы: множества **(х)-(э)-(в)-(р)**, ведущие себя сходным образом и обладающие свойством обратимости.

Само свойство *обратимости* частей номинации предложено считать показателем семантического тождества ее частей.

Разнородные в частеречном отношении глагольные номинации, образованные по моделям **(имп)-(аф)** и **(аф)-(имп)**: *Мети-шесток*, *Подмети-шесток*, *Пеки-пирог*, *Подай-челнок*, *Огня-вздувай*, *Трубу-закрывай* и представляющие собой полные императивные предложения, не случайно пишутся через дефис: это имена (дочерей лисы). И тут закон неисклѳенного третьего и диффузность мифологического мышления, проявляющиеся в анимизме: и *лиса* и её *дочери* – это *люди*.

Рассмотрение метрики асимметричных номинаций потребовало по аналогии с *пентонами* I-V (для пятисложных метров) дополнить существующую терминологию терминами *гексоны* I-VI для шестисложных метров (*выговáривает*, *уговáривала*) и *септоны* I-VII – для семисложных (*перевёртывается*, *поворáчивается*).

В силлабически симметричных номинациях типа X-Y распространённость их убывает в последовательности: 3-2-4-1-5-сложные номинации. Тут несколько неожиданно незначительное преобладание трёхсложных номинаций над двусложными.

Следующий результат состоит в том, что $\frac{1}{3}$ номинаций силлабически симметрична, большее $\frac{1}{2}$ – построены по возрастанию длины во второй части (что является нормой). И лишь 12% – построены от большей длины к меньшей.

При учете места ударения (силлабо-тоника) первые три места по распространённости занимают симметричные номинации: «амфибрахий-амфибрахий» (*смотрела-дивилась*), «ямб-ямб» (*давай-примай*), «хорей-хорей» (*право-слово*). При этом хорейческие части составных номинаций составили 54%, а ямбические – 46%.

Таким образом, наша гипотеза о преобладании в составных номинациях русских народных сказок номинаций хорейческих размеров подтвердилась.

Литература

1. Андрианова Д.В. Устойчивые парные сочетания в чешском и русском языках // Текст.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Андрианова, Дарья Витальевна. – СПб., 2013. – 339 с.
2. Алещенко Е.И. Когнитивные аспекты языка русской народной сказки: учебное пособие / Е.И. Алещенко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 152 с.
3. Алещенко Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): монография / Е.И. Алещенко. – Волгоград: Перемена, 2008а. – 289 с.
4. Алещенко Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки) 10. 02. 01 – русский язык Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Волгоград, 2008б.
5. Артеменко Е.Б. Концептосфера и язык фольклора: характер и формы взаимодействия // Афанасьевский сборник. Материалы и исследования. Выпуск IV. Народная культура и проблемы ее изучения. Сборник статей / Материалы научной региональной конференции 2004 г. – Воронежский государственный университет, 2006. //folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/afanasiev_sb4/artemenko.pdf (дата обращения 12.01.2015).
6. Афанасьев А.Н. – Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3-х т. / изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. – М.: Наука, 1984–1985; Т. 1. – 1984. – 511 с.; Т. 2. – 1985. – 463 с.; Т. 3. – 1985. – 495 с.
7. БАС-3 Большой академический словарь русского языка. Т.1 -... – М.-СПб: Наука, 2004-... (Продолжающееся издание Российской Академии наук. Институт лингвистических исследований).
8. Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. I. – 384 с.
9. Большой толковый словарь русского языка © С.А. Кузнецов, 2010 // ExplanatoryBTS (Ru-Ru) (к версии АBBYY Lingvo x5).
10. Бурлак С.А. Сравнительно-историческое языкознание: Учебник для студ. высш. учеб. заведений / С.А. Бурлак, С.А. Старостин. – М.: Изд. Центр «Академия», 2005. – 432 с.
11. Ведерникова Н.М. Антигега в волшебных сказках / Н.М. Ведерникова // Фольклор как искусство слова. М., 1975. – Вып. 3. – С.66-75.
12. Вяткин В.Б. Информационные функции и энтропия Больцмана (Редакция статьи: Вяткин В.Б. Синергетическая теория информации Часть 3. Информационные функции и энтропия Больцмана // Научный журнал КубГАУ [Электронный ресурс]. – Краснодар: КубГАУ, 2009. – № 02(46). – Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2009/02/pdf/11.pdf>).

13. Гамкрелидзе Т.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. С предисловием Р.О. Якобсона. /Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. – Т. I-II. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. – I-XCVI+1331 с.

14. Герасимова Н.М. Формулы волшебной сказки (к проблеме стереотипности и вариативности традиционной культуры) / Н.М. Герасимова // Советская этнография. – М., 1976. № 5. С.18.

15. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. / Я.Э.Голосовкер. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1987. – 218 с.

16. Гришина Е.А. Поэтический корпус в рамках НКРЯ: общая структура и перспективы использования / Е.А.Гришина, К.М.Корчагин, В.А.Плунгян, Д.В.Сичинава // Национальный корпус русского языка: 2006-2008. Новые результаты и перспективы / Отв. Ред. В.А.Плунгян. – СПб.: Нестор-История, 2009, С. 71-113.

17. Гуськова А.П., Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический / А.П. Гуськова, Б.В. Сотин. – © «Русский язык-Медиа», 2003, 5 тыс. статей. – [Popular (Ru-Ru) (к версии АBBYU Lingvo x5)].

18. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов). – М.: "Цитадель", 1998. – OCR Палек, 1998 г.

19. Девичкая Е.Н. Цветовая характеристика мира в лексике русских и немецких народных сказок: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. и 10.02.19. / Е.Н. Девичкая. – Славянск-на-Кубани, 2014. – 236 с.

20. Евгеньева, А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв. / А. П. Евгеньева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 348 с.

21. Ефремова Т.Ф. Большой современный толковый словарь русского языка. © 2006, Ефремова Т.Ф. 180 тыс. статей // Explanatory (Ru-Ru) (к версии АBBYU Lingvo x5).

22. Иванов Вяч. Вс. Баба-Яга /Вяч. Вс. Иванов, В.Н.Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах) Гл. ред. С.А.Токарев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – т. 1. А-К, С.149.

23. Кассирер Э. Избранное: индивид и космос / Э. Кассирер. – М.; Спб.: Университетская книга, 2000. – 656 с.

24. Квятковский А.П. Поэтический словарь /А.П. Квятковский//– М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 376 с.

25. Коновалова, С.А. Гендерная специфика выражения предикативных отношений в тексте русской народной волшебной сказки. – Дисс. канд. филол. наук: 10.02.19 / С.А. Коновалова // М., 2005, 219 с.

26. Корчагин К.М. Еще раз о раннем русском свободном стихе / К.М. Корчагин // Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей / Отв. Ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. – М.: Изд. Центр «Азбуковник», 2013, С.219-242.
27. Кравченко, М.А. Языковая модель превращения в текстах русских народных сказок. – Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01.–Таганрог, 2002.–173 с.
28. Кретов А.А. Типология и генезис рекурсивных текстов // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – Вып. 31. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга»; Воронежский государственный университет, 2013, С.219-245.
29. Кретов А.А. Рекурсия как творческий прием Даниила Хармса // Методология и практика русского формализма: Бриковский сборник. Выпуск II: Материалы международной научной конференции «II Бриковские чтения: Методология и практика русского формализма» (Московский государственный университет печати, Москва, 20–23 марта 2013 года) / отв. ред. Г.В. Векшин. – М.: Азбуковник, 2014, С.243-249.
30. Кхерибиш Мунира. Лексикографическое описание русских народных сказок в учебных целях: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. / Мунира Кхерибиш – Москва, 2007. – 159 с.
31. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с. – (Серия: «Психология: классические труды»).
32. Леви-Строс, Клод. Первобытное мышление. М.: Изд-во Республика – 1999. – 385 с.
33. Мейе, Антуан. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, 1938. Перевод Д. Кудрявского. Переработанный и дополненный по седьмому французскому изданию А. Сухотиным. Под редакцией и с примечаниями Р. Шор. Вступительная статья М. Сергиевского. 3-е изд.: М: Эдиториал URSS, 2002. – 512 с.
34. Мелетинский Е.М. От *мифа* к *литературе*: Уч. пособие. М.: РГГУ, 2000. – 169 с.
35. Мельников Г.П. Морфемный состав инфинитивов и личных форм русского глагола // Сопоставительная и описательная лингвистика. М., 1987, С.97-109.
36. Мельников Г.П. Категория степени длительности глагольного действия и ее связь с категорией вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Том. I. 2-е изд. – М., 2001, С.122-139.

37. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточно-славянских языках. Текст.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Минлос Филипп Робертович. М., 2004. - 183 с.
38. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок. / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007. – 784 с.
39. Обратный словарь русского языка. Около 125 000 слов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1974. – 944 с.
40. Ожегов С.И. Словарь русского языка. /Под ред. Н.Ю. Шведовой. 10-е изд. стер. М., 1973. – 848 с.
41. Особенности русских народных сказок:
<http://skazki.smeha.net/russkie/info.html> (Дата обращения 30.11.2014).
42. Праведников, С.П. Основы фольклорной диалектологии [Текст] / С.П. Праведников. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2010. – 231 с.
43. Пропп В.Я. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. (Собрание трудов В.Я. Проппа.) Комментарии Е.М. Мелетинского, А.В. Рафаевой. Составление, научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. – М.: Лабиринт, 1998. – 512 с.
44. Ручина Л.И. Методические указания по составлению словаря концептов русского фольклора // Методическое пособие для студентов-филологов. – Н. Новгород: ННГУ, 2002. – 15 с. (в соавторстве с Т.М. Горшковой).
45. Ручина Л.И. Лексикографическое исследование концептосферы русского фольклора // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. – СПб.: Политехника, 2003а. – С.148-153. (в соавторстве с Т.М. Горшковой).
46. Ручина Л.И., Горшкова Т.М. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) //Л.И. Ручина, Т.М. Горшкова, 2003 // http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=9&ved=0CFIQFjAI&url=http%3A%2F%2Fwww.unn.ru%2Fpages%2Fvestniki_journals%2F99990196_West_filol_2003_1%25283%2529%2FB_35.pdf&ei=J9h6VPvxDsfsjyW06yoDgBw&usg=AFQjCNHngHcyF8nTPI8dfIPvgqZXl37VPUg&bvm=bv.80642063,d.bGQ&cad=rjt.
47. Ручина Л.И. Концептосфера русской народной сказки и практика преподавания русского языка как иностранного // Вестник ННГУ. Серия Филология. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2004. – Вып. 1(5). – С. 152-157 (в соавторстве с Т.М. Горшковой).

48. Ручина Л.И. Ассоциативный эксперимент как один из методов исследования концептосферы русского фольклора: справочно-методическое пособие. / Л.И. Ручина, Т.М. Горшкова, А.В. Синелёва. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2006. – 23 с.
49. Словарь русских народных говоров. Вып. 1 – ... – Л.: Наука, 1965 – ... (продолжающееся издание).
50. Стекольников Н.В. Лексические парадигмы в текстах рекурсивной структуры (на материале восточнославянских сказок. – Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Стекольников. – Воронеж, 2007. – 355 с.
51. Титов В.Т. Частная количественная лексикология романских языков: Монография / В.Т. Титов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 552 с.
52. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. /М.Фасмер; Перев. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2004.
53. Федорова Л.Л. Гуси-лебеди, сороки-вороны, цветы и птицы: заметки о парных словах / Л.Л. Федорова // Лингвистический беспредел-2. Сборник научных трудов к юбилею А.И. Кузнецовой / Под общей редакцией чл.-корр. РАН, проф. А.Е. Кибрика. – М.: Изд-во Московского университета, 2013, С. 318-333.
54. Хроленко, А.Т. Сеялки-веялки / А. Т. Хроленко // Русская речь. 1972. № 4. С. 31-35.
55. Хроленко, А. Т. Ассоциативные сочетания в русском языке / А.Т. Хроленко // Русский язык в школе. 1975. -№ 6. - С. 79-81.
56. Хроленко, А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни / А.Т. Хроленко. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981.-163 с.
57. Хроленко, А.Т. Репрезентативные пары слов в диалектном и устно-поэтическом аспектах / А.Т. Хроленко // Диалектная лексика 1982: сб. науч. тр. / под ред. Ф.П. Сороколетова, Ф.П. Филина. СПб., 1985. – С. 117-129.
58. Хроленко, А.Т. Семантика фольклорного слова [Текст] / А.Т. Хроленко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 137 с.
59. Хроленко, А.Т. *Введение в лингвофольклористику*. Учебное пособие. / А.Т. Хроленко. –М.: Флинта:Наука, 2010. – 192 с.
60. Чой Кён Нам. Языковое выражение культурных символов в русской народной сказке (на фоне корейского фольклора). // Автореф. ... дисс. канд. филол. наук: 10.02.01. – Москва, 2008. – 24 с.
61. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. /Под ред. акад. О.Н. Трубачева и доктора филол.

наук А.Ф. Журавлева. – Вып. 1-... (продолжающее издание). – М.: Наука, 1974. – ...

62. Якобсон, Роман. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". – М., 1975, С.193-230.

63. Ян Кэ. Лингвостилистический и лингвострановедческий анализ русских народных волшебных сказок. – Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ян Кэ. – Казань 1995. – 160 с.